

18+

Ирина
Солманская

В ритме его
сердца

Элина Солманская
В ритме его сердца

«Издательские решения»

Солманская Э.

В ритме его сердца / Э. Солманская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904495-2

Бывший пилот гражданской авиации Ярослав Одонецкий и мастер спорта международного класса по спортивным бальным танцам Полина Дягилева. Абсолютно разные люди, и, казалось бы, что может быть между ними общего. Случайная встреча. Два сильных характера и две непростые судьбы. И сможет ли Полина растопить сердце одинокого угрюмого затворника... Книга входит в цикл «Одонецкие»: «В ритме его сердца» «Серебряные крылья любви».

ISBN 978-5-44-904495-2

© Солманская Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

В ритме его сердца

Элина Солманская

Дизайнер обложки Евгения Владон

© Элина Солманская, 2021

© Евгения Владон, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4490-4495-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Полина Дягилева ехала по горной дороге, делая поворот за поворотом, по извилистому серпантину. Её путь на машине из Санкт-Петербурга, до посёлка Дивноморское, растянулся на несколько дней.

Она безумно устала за рулём. Мама несколько дней пыталась отговорить её от этой дальней поездки. Просила лететь самолётом или отправиться поездом, но Полина планировала задержаться на побережье до конца лета, поэтому подумала, что машина ей будет крайне необходима.

Дивноморское. Её любимый посёлок. До сих пор нет места, для неё более комфортного и уютного для отдыха на Черноморском побережье.

Словно дорогая маленькая жемчужина, он скрыт в ладонях живописной бухты Геленджика. Красивейшая долина с уникальной природой, слияние двух рек, необыкновенно мягкий климат, жаркое лето и тёплая осень. Великолепная мощёная набережная с перилами, мелко галечные пляжи, песчаное дно и главное, дивное море, именно в этом месте, чистое и с уникальным потрясающим цветом воды, завораживающей взгляд. За день, кажется, можно увидеть всё уникальное буйство и смену красок, какие только может создать природа, когда смотришь на его гладь.

Полина улыбнулась.

В душе разливалась нега. Она поймала себя на мысли, что возвращалась домой, после долгого отсутствия в дорожное сердцу место, в котором не была уже двенадцать лет.

Она родилась в Геленджике, это были её родные края. Но когда ей исполнилось четыре года, они с родителями навсегда покинули это прекрасное место, и переехали в Санкт-Петербург, куда перевели на новое место работы её отца. И лишь каждое лето, они возвращались сюда всего на несколько недель к бабушке. В её небольшой домик с мезонином, расположенный прямо на берегу моря, которое голубой гладью сверкало всего в нескольких шагах от её дома.

Она ехала в Дивноморское, с намерением провести здесь с дочкой всё лето, и возможно, на период курортного сезона, найти себе какую-нибудь работу.

Полина с детства была городским ребёнком огромного мегаполиса, выросшая с родителями в Санкт-Петербурге, в семье военного врача и учительницы. Девочка с малых лет была охвачена всесторонним образованием. Специализированная школа с углублённым изучением иностранных языков, занятия в театральной студии и школе бального танца.

Мама до сих пор себя ругала за то, что отвела её туда в пять лет. Танцы настолько её очаровали, что все другие занятия были впоследствии заброшены. Уроки хореографии захватили её с головой на всю оставшуюся жизнь.

Началось всё просто и банально. Обыкновенные посещения два раза в неделю танцевальной школы, зачастую из-под палки, в которых играло роль только желание мамы, сделать из своей дочери красивую, грациозную, уверенную в себе девушку. Впоследствии, Полина втянулась, стало интересно самой, и даже кое-что начало получаться.

Всё изменилось кардинально и бесповоротно, когда ей исполнилось тринадцать и, в школу пришёл новый тренер по спортивным бальным танцам, хореограф с большим именем в прошлом. Он моментально рассмотрел в девушке потенциал, прекрасные физические данные, необыкновенную артистичность, чувство ритма и гармонии, ну а упорный труд и старания приложились уже позже, когда её поставили в пару с Егором Беркутовым.

Высокий, красивый шатен с голубыми глазами, любимец всех её подружек. Она помнила, что когда он шёл по коридорам школы, девчонки готовы были падать перед ним ниц. Он был на два года старше, учился в девятом, и на Полину не обращал абсолютно никакого внимания.

Да и в паре, как партнёрша, она его не особо устраивала. Он часто срывал тренировки, нервничал, кричал на неё, что не так подаёт руку, не так прогибается, что она «деревянная» и у неё нет никакого чувства ритма.

Он пришёл в их пару с великолепной школой танца. Длительное время он жил с родителями в Нью-Йорке, и посещал одну из престижнейших школ Brooklyn Dancesport Club. Поэтому долго не мог смириться, что к нему в пару поставили эту негнушующуюся, холодную особу, как он её называл.

Но у тренера на этот счёт было своё мнение, и так называемое чутьё профессионала. Потому, что когда Полине исполнилось восемнадцать, она превратилась в прекрасного «лебедя». Хрупкая, невысокая, стройная с потрясающей фигурой, роскошными длинными волосами цвета спелого пшеничного колоса, с красивыми европейскими чертами лица и серыми с бархатным оттенком, глазами. А её успехи, которых она самостоятельными усилиями и тренировками до седьмого пота достигла в танцзале, оставаясь одна допоздна, очень скоро смог по достоинству оценить не только хореограф, но и Егор, ради которого, собственно говоря, она и работала так усиленно. Влюбилась она в него с первого взгляда, ещё в тринадцать и все пять лет тяжело вздыхала и украдкой наблюдала, как он обольщал её подружек.

Но её звёздный час настал...

Когда у неё появились первые поклонники, Егор тут же расставил все акценты по местам, и сразу дал понять, что теперь, она не только его партнёрша, но и его женщина.

Без лишних ухаживаний и предложений они стали жить вместе, к явному недовольству родителей Полины.

Начало их совместной жизни дало ещё и начало взлёта их танцевальной карьеры. Бесконечные конкурсы, не только российского, европейского и мирового масштаба. Победы сыпались на них, как из рога изобилия.

Но Егор не желал останавливаться, ни на минуту, выжимая из неё все соки на тренировках, и требовал ещё большей отдачи на танцевальном паркете. Их латиноамериканская программа требовала чувственной подачи, необыкновенной грации и задора.

Полина всё делала идеально, но Егор был постоянно недоволен и требовал от неё нереальной пластики и чувственности. Она старалась изо всех сил, но чаще ловила себя на мысли, что в этой безумной гонке она не чувствовала себя женщиной, любимой, нужной, желанной. После конкурса если он был доволен, всё что она получала это лёгкий поцелуй в щёку и жаркий шлепок по ягодице. Словно она не женщина, а скаковая лошадь на бегах и в случае победы, достойна только лёгкого шлепка хозяина.

Егор готовился к новым и новым конкурсам, он мечтал добиться победы на престижнейших фестивалях мира. Вершиной, всего должны были стать Blackpool Dance Festival в Англии и Открытый чемпионат США по бальным танцам.

А она хотела быть просто женой, любимой женщиной и мамой. Они прожили вместе пять лет, но тема беременности была под строжайшим запретом. Постоянные тренировки, частые переезды, конкурсы, поэтому о ребёнке не могло быть и речи.

Но Алинка появилась на свет, не спросив, ни у кого разрешения.

Полина почувствовала себя плохо, прямо во время танца на конкурсе. Потеряла сознание и естественно к дикой злости Егора, сорвала им всю программу.

Он уговаривал её сделать аборт, но вмешалась мама Полины, и запретила ей даже думать об этом. Егор долго лютował по этому поводу, но потом согласился оставить ребёнка, при одном условии. Полина после родов должна была сразу же восстановить свою прежнюю форму и вернуться к танцам, а малышкой полностью займётся бабушка.

Это устроило всех и через восемь месяцев, Полина родила дочку. Помнила этот момент до мелочей...

Громогласный голос Алины в родильном блоке, маленькая крохотка, которая смотрела на неё большими голубыми глазами и удивлённо хлопала необыкновенно длинными ресничками. Она помнила её крохотные пальчики, обхватившие её палец. Помнила её первую произвольную улыбку.

Но после выписки из роддома, их тесный контакт матери и ребёнка окончился ровно через полтора месяца. Усиленные тренировки и нагрузки лишили её грудного молока и малышку перевели на искусственное вскармливание. Егор посчитал, что теперь с ребёнком справиться бабушка, и на долгие пять лет, жизнь Полины превратилась в уходящую и приходящую маму.

Она прервала воспоминания, и бросила взгляд в лобовое стекло, на дорожный знак, с указанием объекта – «МИХАЙЛОВСКИЙ ПЕРЕВАЛ».

Опасный участок дороги. Она это помнила, с момента, как была здесь с отцом в последний раз в шестнадцать лет, и видела страшную аварию своими собственными глазами. Перевал через гору Михайловскую. Помнила, как отец рассказывал его богатую историю в прошлом. Получивший своё название в честь сына императора Николая I – Михаила Николаевича Романова, который был командующим войсками Кавказского военного округа. В период революции и гражданской войны в этих местах велись ожесточённые, кровопролитные бои.

Уникальное место с восхитительной природой. Бесконечные леса, высокие красивые горы, множественные ущелья, от которых захватывает дух, когда смотришь вниз, сказочные водопады и таинственные дольмены. Они приезжали сюда на экскурсии не один раз, и каждый раз она, молча, затаив дыхание, словно в первый раз, не могла оторвать своего взгляда от этого места, потрясающего воображение.

Она остановила машину на обочине и откинулась на спинку кресла. Ей необходим был отдых перед подъёмом. Этот отрезок пути требовал сосредоточенности и крайней осторожности. Осталось немного, совсем немного до посёлка, и она сможет, наконец, полноценно отдохнуть.

Полина открыла дверь машины, вышла на улицу, глубоко вдыхая свежий горный воздух, и снова задумалась.

Сколько раз она плакала, уезжая на очередной фестиваль в слезах, наблюдая в заднее стекло машины, как Алинка бежит за такси, размахивая маленькими руками. Слышала её крики, громкий плач, который разрывал её сердце на части. Безутешно плакала сама, когда возвращаясь, домой обнаруживала новый появившийся молочный зуб, слышала новое слово, сказанное дочкой и всё без неё, в её отсутствие. Она всё пропустила...

Все эти тонкие, нежные моменты абсолютного единения со своим ребёнком с момента рождения, в угоду карьере, успеху, славе, которые ей были абсолютно не нужны.

Их совместная жизнь и работа с Беркутовым напоминали безумную гонку по кругу. Изнуряющие тренировки, адский труд до седьмого пота на паркете и лавры победителей. И так, до бесконечности... Пока три месяца назад, она случайно не зашла вечером в танцевальную студию Егора. Он давал частные уроки в свободное от тренировок время. Она застала его с одной из таких учениц, в весьма недвусмысленной позе у стены, когда видимо он ей объяснял очередную чувственную позицию танца, которая страстным эхом раздавалась в её ушах, пока она бежала на выход из здания.

Сказала ему обо всём только утром, попросив собрать вещи и уйти навсегда. Он пытался воззвать к её благоразумию, кричал, просил, доказывал, что они ещё не закончили танцевальную карьеру, что всё это просто спонтанное, сиюминутное мужское увлечение и ничего серьёзного.

Но Полина, была непреклонна. Сыграла свою роль твёрдость её характера, доставшаяся ей по наследству от отца, полковника медицинской службы военного госпиталя. Всегда решительно обрубать концы и не жалеть ни о чём. Без слез, пощёчин и долгих объяснений.

Жизнь разрушена, так и не став устроенной. И в двадцать восемь, снова придётся начинать все с нуля.

Она тяжело вздохнула и, приоткрыв задние двери, посмотрела на свою спящую пятилетнюю дочь.

Алина спала в детском автокресле с откидывающейся в горизонтальное положение спинкой. Вокруг неё машина была заполнена многочисленными пледами, подушками и комплектами постельного белья, заботливо собранными в дорогу мамой Полины.

Полина всматривалась в лицо дочери. Её девочка, её маленькая принцесса. Белокурая малышка с длинными волосами и кукольными чертами лица. Они, наконец, за долгие пять лет её маленькой жизни, были вместе.

Полина улыбнулась, заметив, как Алинка смешно морщит свой носик во сне. Когда три дня назад, она узнала, что проведёт всё лето с мамой на море, предела её счастья и радости, просто не было. Дом наполнился суетой, радостным детским смехом и нескончаемыми прыжками на кровати «до потолка». Она поспешно собирала в дорогу свои игрушки, любимые платья и книжки.

Она была очень способной девочкой. Бабушка, отдавшая много сил для её воспитания, научила её очень рано читать, немного считать, записала на курсы английского языка и школу по фигурному катанию.

Но вот чего не одобряла бабушка, так это тягу Алины к маминым танцам. Частенько заставляла внучку, пересматривающую видео отрывки выступлений Полины и Беркутова на конкурсах, и с точностью повторяющую все их движения перед зеркалом.

Ей уже было достаточно одной танцовщицы с её исковерканной судьбой, и абсолютным отсутствием серьёзного образования. Для внучки, она такого повторения судьбы не хотела. Слишком её любила, слишком... потому что одна растила её с пелёнок

Полина погладила дочь по щеке и, поправив фиксирующие ремни безопасности автокресла, тихо закрыла двери автомобиля.

Ещё немного похажив по улице, она сделала несколько разминочных упражнений для мышц спины и снова села за руль. Медленно тронулась с места и, вписавшись в многочисленный поток машин начала, подъём по дороге на перевал.

Длинная вереница авто постепенно рассеивалась.

Она взглянула на часы. Девятнадцать вечера. Планировала уже через тридцать минут быть на месте в посёлке.

Она снова задумалась.

Бабушка ушла из жизни три месяца назад, и дом перешёл ей в наследство. Мама предложила продать его или как другой вариант сдавать на лето отдыхающим. Но Владимир Петрович, её отец, был категорически против продажи дома своей матери, и именно он предложил Полине, взять дочь и уехать на всё лето, на море.

Работы в городе у неё всё равно не было. Танцевальная карьера закончилась, после расставания с Беркутовым. Она пыталась найти какую-нибудь подработку, но всё что ей предлагали, это танцевать так называемый стиль Pole Dance, в ночных клубах, у шеста.

Относящаяся к своему ремеслу очень серьёзно, да и воспитанная в старых традициях, она даже и представить себя не могла в подобных заведениях. Поэтому и отказывалась, несмотря на то, что ей сейчас очень были нужны деньги.

С Беркутовым они не были официально женаты, несмотря на то, что Алина была записана на его имя. Его денег после того, как они расстались, она не видела, как впрочем, и его самого. Подруги рассказывали ей, что он взял себе новую партнёршу и начал готовиться к очередному конкурсу.

Полина повернула машину направо и въехала на дорогу, ведущую к посёлку. Море длинной, бескрайней, сверкающей на закате лентой, раскинулось слева от неё.

Она устало улыбнулась.

Сегодня они отдохнут с дороги, а уже завтра отдых. Полноценный на несколько дней, которые она специально запланировала. Загорать и купаться, а после она попробует поискать работу. Она надеялась, что начало курортного сезона, возможно, поможет ей заработать, хотя бы небольшие деньги для себя и дочки.

Она взяла мобильный телефон в руки, чтобы сообщить маме, что они почти доехали, но тут, же отбросила его в сторону, увидев перед собой стремительно несущуюся на неё, спортивную машину яркого красного цвета, которая с рёвом пересекла сплошную линию, и выехала на встречную полосу, прямо перед Полиной.

Она резко повернула руль вправо...

Столкновения удалось избежать, но вот удержать автомобиль, она уже не смогла. Выкатившись с дороги и слетев с обочины, машина пробила столбики ограждения, и врезалась на полной скорости в длинные ряды небольших кустов молодых виноградников, расположенных по обе стороны от дороги. Автомобиль долго не останавливался, продолжая двигаться, оставляя за собой многочисленные поваленные кусты и раздавленные на земле шинами грозди, с крупными ягодами винограда.

Смягчившая, первоначальный удар, подушка безопасности её новенькой иномарки, единственный подарок Беркутова за выигранный конкурс, спасла ей жизнь. Она сидела, словно в оцепенении, в шоке, уставившись в одну точку. И только громкий плач Алины на заднем сидении, заставил её прийти в себя.

Она резко обернулась и посмотрела на свою дочь.

Малышка сидела, размазывая слёзы по личику, и судорожно пыталась убрать с лица, спутавшиеся длинные пряди волос.

– Дорогая моя...

Полина, с трудом повернувшись, нажала на ручку двери и вышла из машины. Стремительно открыв задние двери, она наклонилась в салон, и с волнением осмотрела малышку.

– У тебя, что-нибудь болит, котёнок? Ты пострадала?

Отстегнув ремни безопасности, она аккуратно трогала и осматривала ручки, ножки, голову и тельце девочки.

– Нет. Я, просто испугалась... Мама, что это было? Мы что, попали в аварию?

– Да, солнышко, попали, – она гладила дочь по голове. – У тебя небольшая ссадина на руке. Ты ударилась? Тебе больно?

Дочь отрицательно покачала головой.

Благодаря автокреслу и ремням безопасности Алина была в абсолютном порядке. Женщина вытащила её из кресла и, разбросав на заднем сидении многочисленные подушки и пледы, уложила девочку поверх них.

– Дорогая, попробуй снова заснуть. А я попытаюсь найти кого-нибудь, кто нам поможет. Мы не выберемся отсюда, самостоятельно, – сказала она, обращаясь к дочери.

Алина послушно кивнула головой и закрыла глаза. Женщина поцеловала её в щёку и закрыла дверь машины. Она обошла авто вокруг, и оценила ситуацию аварии. Машина была повреждена, но не очень сильно. А вот самостоятельно выехать из этой колеи, она точно не сможет.

Ей нужна была помощь эвакуатора. Но телефонов местных компаний, предоставляющих подобные услуги, у неё не было. Полина взяла телефон и попыталась включить мобильный интернет, но связь была в этом районе недоступна, даже для экстренных вызовов.

Дягилева поднялась на обочину и вышла на дорогу. Пристально всматриваясь вдаль, она надеялась, что кто-нибудь будет проезжать в это время мимо. Одна только мысль остаться здесь с дочкой вечером на дороге, или не дай бог, на ночь, приводила её в состояние ужаса.

Дягилева принялась нервно ходить вперёд и назад по проезжей части, поджидая счастливого спасительного случая, в лице водителя, который мог бы свернуть на эту дорогу, поздним вечером.

Глава 2

Ярослав Одонецкий стремительно поднялся с кресла, и вышел из кабинета. Он сбежал по ступенькам лестницы и быстрыми шагами подошёл к своей машине. Завёл мотор и стремительно сорвался с места.

Он думал сейчас лишь о том, как хорошо, что в последнее время, появились дополнительные денежные средства, на установку целостной системы охраны, на территории его виноградников. Это значительно облегчило работу, и наконец, дало возможность отслеживать, в режиме реального времени, всё, что происходило на этой огромной территории.

Охрана позвонила ему, когда он ещё был на работе. Задержался в кабинете сегодня, дольше обычного, разбирая бумаги и работая с электронной почтой. На одном из участков, при подъезде к посёлку, сработал сигнал тревоги сигнализации, и он сейчас туда стремительно направлялся.

Виноградники стали его одержимостью, новым делом и смыслом жизни, одиннадцать лет назад. С того самого момента, как ушёл из гражданской авиации.

До сих пор, не мог смотреть спокойно на пассажирские лайнеры. Подолгу, всегда стоял в поле, смотрел в небо, провожая глазами очередное судно, стремительно набирающее высоту.

Одержимый мечтой с детства, стать пилотом, именно таких самолётов, он по окончании школы, поступил в высшее авиационное училище гражданской авиации в Ульяновске. Отец долго не мог успокоиться и смириться с его отъездом. Не понимал, его решения. Ехать так далеко за своей мечтой, если рядом в Краснодаре, был тоже лётный ВУЗ.

Но Ярослав для себя, всё решил твёрдо, и хотел непременно учиться именно там. Изучив многочисленные материалы, информацию и отзывы уже окончивших ВУЗ студентов, он своего решения не только не поменял, а ещё сильнее укрепился, в правильности своего выбора.

Старейшее, прославленное высшее учебное заведение начало свою историю в 1935 году. Образовательные программы высшего, среднего, дополнительного и послевузовского профессионального образования, с постоянно расширяющейся сферой деятельности, при подготовке авиационных специалистов. Со своим аэродромным комплексом, со всеми необходимыми службами и центром с тренажёрами самолётов, различной модификации. Высшее училище, имеющее военную кафедру, дающее абитуриентам отличные базовые знания и практические навыки, выпускало главный костяк специалистов гражданской авиации в России – пилотов, диспетчеров и бортинженеров.

Учёба, кропотливая и упорная, с полной самоотдачей и осознанием, для чего он здесь находится, пролетела для него незаметно. Ярослав закончил его с отличием. Поступил на работу сразу же, в небольшую авиакомпанию, тут же в Ульяновке.

Спустя год, в один из своих рейсов, в аэропорту, он встретил свою будущую жену Наталью. Она влюбилась в него с первого взгляда, увидев его в кафе аэровокзала, куда он зашёл после работы, выпить чашку чая и перекусить. Красивый, высокий, статный пилот в роскошном чёрном кителе, сразу же покорила её сердце. Стремительно накрывший с головой их обоих, страстный роман, закончился его поспешным романтическим предложением о замужестве, прямо у трапа самолёта. Во время очередного рейса, спустя всего лишь два месяца, после их знакомства. Она сразу же ответила согласием.

По окончании учёбы Натальи в университете, они переехали в её родной город Обь. Купили в кредит квартиру, и зажили счастливой семейной жизнью, обычных молодожёнов.

Ему, сразу же повезло с работой. Одонецкий прошёл огромный конкурс, преодолев многочисленные тестовые задания, и оставив позади, многих претендентов, устроился на работу вторым пилотом на Airbus A310—324, в одну из крупных авиакомпаний России.

Ярослав тяжело вздохнул и попытался сосредоточиться на дороге, но мысли прошлого, не отпускали...

Четыре года, спокойных и размеренных полётов на этом самолёте. Радость от каждого взлёта и каждой посадки. Ярослав был на своём месте, и был человеком своего дела, отдающего ему себя, полностью. Всепоглощающая любовь к небу и самолётам. Он с чёткостью понимал, всю важность и ответственность работы, которую выполнял. Всегда с упоением ждал каждого нового рейса. Садился, в свою уже ставшую родной кабину, и каждый раз, когда выводил свой самолёт на взлётную полосу, всегда невольно улыбался, глядя в небо.

Великолепный лётный состав их экипажа. Прекрасные рабочие отношения, никаких интриг, сплетен, только чёткая работа, под командованием их командира Войтенко Алексея Петровича, опытного пилота, с большим количеством часов налёта.

Ярослав, каждый день был счастлив, быть на своём месте. До того страшного дня, в июле девяносто второго.

День, который оставил в его сердце и жизни, болезненную и незаживающую до сих пор рану.

Обычный рейс. Обычный взлёт из Домодедово. И казалось, обычная посадка...

Он до сих пор помнил, жуткий звук и силу удара корпуса самолёта о бетонное ограждение аэропорта, когда лайнер не смог остановиться, и выкатился за пределы взлётно-посадочной полосы. Разрушение фюзеляжа, задымление, пожар в салоне, страшные крики людей, жуткая паника, заклинившиеся двери, давка, потасовка в салоне и спасение пассажиров. Они сделали всё, что могли, но большая часть людей того рейса погибли. Спасая людей, сам сильно обгорел...

Он коснулся пальцами шрама на своей правой щеке и поморщился. Уже подживший рубец, но до сих пор стягивающий кожу, и причиняющий сильную боль, был словно напоминанием на всю жизнь, о том, сколько людей погибло тогда, в тот страшный день.

Он винил во всём себя, и летать уже больше не смог. Его уговаривали, просили остаться, потому что его вины в случившемся не было. Ошибку допустил командир экипажа. Но он не смог, не смог преодолеть этот психологический барьер.

Первые месяцы после случившегося, не мог спать по ночам. Видел перед собой лица пассажиров, погибших бортпроводников, командира экипажа и винил, снова и снова винил себя и только себя.

Депрессия затянулась...

От предложенной работы в аэропорту, отказался. Глаза снова и снова поднимались в небо. Это было мучением быть внизу, когда душа была в небе, в каждом взлетающем самолёте. Он был пилотом по призванию своего сердца. Своим упорным трудом, он достиг всего, о чём мечтал, но судьба распорядилась иначе, и внесла коррективы в его твёрдые, жизненные планы.

Жена его надуманной проблемы, относительно полётов, не поняла, считала это глупостью и его прихотью. Просила сделать пластическую операцию, убрать шрам и вернуться в профессию. Отношения разладились и развод, словно приговор, прозвучал в их семье, ровно через год, после случившегося. Наталья подала иск в суд на раздел жилья, но он посчитал для себя это унижительным и оставил квартиру ей, забрав только свои вещи.

Он вернулся в родительский дом на юге. Мама давно умерла и отец, оставшись один, был очень рад, возвращению домой своего старшего сына. Жизнь пришлось начинать с нуля, в двадцать восемь. Когда у других за спиной к этому возрасту, полный багаж. Работа, семья и дети. У него не осталось ничего...

Он активно включился в дело отца. Производство, которое по наследству перешло им от деда. Его отец занимался выращиванием винограда и производством вина всю свою жизнь.

Отлаженное хозяйство, двадцать девять гектаров земли и небольшой завод. Старая, проверенная годами, технология выращивания, ухода за виноградом и производство премиального вина, были основой их работы. Белые и красные многочисленные сорта винограда. Лоза некоторых из них, была завезена из солнечной Италии, из хозяйства давнего друга отца.

Благоприятный морской климат в посёлке, чистый воздух, сосновые леса, защищающие виноградники от сильных ветров и качественный уход, обеспечивали высокую урожайность ежегодно и отличные свойства, и качество выращиваемого винограда.

Ярослав досконально изучил всю технологию выращивания винограда и производства вина. Он уехал на полгода к другу отца в Италию, на стажировку и обмен опытом. Винченцо Санторо показал ему все тонкости производства изысканного вина класса премиум, обучил основам дегустации. Одонецкий стал отменным дегустатором, умеющим тонко почувствовать вкус, аромат, тональность и послевкусие изысканного напитка. Вернувшись, домой, он ушёл с головой, в ставшее для него любимым, новое дело.

Отец ругал его, говорил, что он молод, и нужно устраивать свою личную жизнь, попутно с работой. Но после развода и предательства, Ярослав для себя всё решил. В его жизни, больше нет места любви. Он встречался с женщинами, как любой взрослый мужчина, и не заводил длительных отношений. Встречался на одну ночь, и утром мягко и тактично, выпроваживал особу женского пола за дверь.

Когда отец тяжело заболел, он взял управление виноградниками и заводом в свои руки. Был строгим и требовательным руководителем, и за это его недолюбливали. Многие ушли, бросив работу, не выдержав его строгости и чёткости в постановке задачи. Остались только верные и преданные своему делу люди, и это его не могло не радовать.

Работа с полной отдачей, начала приносить свои первые финансовые вознаграждения. Его вино, созданное своими руками, от выращенной грозди созревшего винограда, до искрящегося напитка в бокале, стало очень популярным далеко за пределами края. Массовые заявки от столичных ресторанов заполнили его электронную почту. Одонецкий и его сотрудники работали днём и ночью, выполняя многочисленные заказы и совершенствуя свою продукцию до предела.

Ярослав купил и привёз из Италии новую лозу. Нежные кусты белого отборного винограда мускатных сортов Москато Бьянко и Москато ди Канелли, из которого он планировал в будущем, начать производство собственного игристого вина. Он изучал эту технологию производства много лет, с момента возвращения домой из Италии. Приобрёл все необходимое оборудование, и начал строить подземные подвалы. Это была его давняя мечта. Готовить нежный изысканный искрящийся напиток, по старой технологии выдержанной шампанизации. Винченцо заразил его этой идеей, и он последние несколько лет её тщательно вынашивал.

И вот теперь, он ехал к участку, где росли эти, так любимые им, сорта винограда. Четыре года кропотливого труда, несколько тысяч кустов, строгое соблюдение всех агротехнических приёмов культивирования. Согретые его собственными руками.

Он был каждый день на этом участке, словно навещал маленького ребёнка, растущего под его неусыпным контролем. Следил за развитием, своевременной обработкой, своевременным орошением и два дня назад, когда он был здесь, уже держал в своих ладонях, первые крупные грозди, наполненные солнечным светом и ароматом морского бриза.

Виноград только начал поспевать, и возникший тревожный сигнал говорил о том, что кто-то вторгся на эту территорию. Конечно, первая мысль была о животном, которое могло случайно попасть на участок. Но на душе было беспокойно. Прошлогодний инцидент с вырубкой и поджогом его виноградников на возвышенности, заставлял его думать о другой причине. Снова люди, снова их желание разрушить и уничтожить чужой труд.

В свои тридцать девять лет, он стал нелюдимым после смерти отца, закрывшись в своём доме от всех. Потеряв самого близкого человека, и оставшись в одиночестве со своей неустро-

енной жизнью, он похоронил себя за стенами большого, некогда такого шумного дома. Дома, который был наполнен когда-то счастьем, весёлым смехом и запахами вкусной еды, приготовленной руками мамы. Его младший брат жил в Геленджике с женой и тремя детьми. Работал в собственной фирме и был вечно занят. Они виделись крайне редко. Даже приехав на похороны отца, Дмитрий не остался ночевать в доме Ярослава, а сразу вернулся в Геленджик.

Единственным спасением после смерти отца, для него стала работа, и днём и ночью, до изнеможения. Когда засыпал прямо за столом в своём кабинете, а просыпаясь, снова ехал на участки, лично контролируя работу своих сотрудников. Не мог иначе. Привык всю жизнь, делать свою работу качественно, с полной отдачей, упорством и настойчивостью.

Ярослав сделал последний поворот и резко остановил машину, на обочине дороги. Он открыл двери машины и стремительно вышел на улицу.

Внутри у него всё закипело, от представшей перед ним картины...

Дорогая иномарка цвета спелой вишни, полностью находилась в гуще виноградной лозы. Она пробила ограждение и застряла в виноградных кустах.

Он не моргая, смотрел на ужасающую картину. Боль, злость и отчаяние. Всё это перемешалось в его душе жгучим коктейлем, разрывающим его сердце. Он стиснул ладони в кулаки. Сейчас у него было только одно желание, разбить эту ненавистную машину до конца. Выплеснуть всю злость, всю ненависть на человека, который устроил аварию. Но водителя поблизости не было видно.

Внезапно Ярослав услышал за своей спиной громкий голос. Он обернулся и увидел худенькую, невысокую молодую женщину, которая быстро сокращала расстояние между ними.

Она остановилась с ним рядом и, немного отдышавшись, обратилась к нему:

– Господи, как хорошо, что вы проезжали мимо. Прошу вас, пожалуйста, помогите мне! Я попала в аварию. У меня в машине маленький ребёнок. Нам нужна помощь.

Она смотрела в его непроницаемое лицо, без эмоций, на его играющие на скулах желваки.

Красивый, стройный мужчина, средних лет, высокого роста. Когда она подходила к нему, ей показалось, что он просто огромен. В простой клетчатой рубашке и джинсах. Мужественное лицо, густые тёмные волосы, карие глаза, густая щетина на щеках и только лишь, большой шрам на правой щеке, искажал его безупречный образ.

Он посмотрел на неё ненавистным взглядом и, не ответив ничего, развернулся и пошёл к виноградникам.

Она бежала за ним следом.

– Вы нам можете? Прошу вас, пожалуйста...

Но Одонецкий молчал и, спустившись с обочины вниз, остановился у первого поломанного куста винограда.

Он опустился на колени, и провёл подрагивающими пальцами по сломленному стеблю, так нежно, словно пытался его реанимировать и заставить жить дальше. Глаза охватили, рассыпавшиеся и раздавленные грозди, которые ещё только вчера, начали наливаться спелостью. Смятые листья, поломанная лоза. Он обвёл взглядом примерно двадцать уничтоженных кустов. Трепетно взлелеянные собственными руками, тяжело принимающиеся в первый год, постоянные болезни и прошлогодняя засуха. Он смотрел на причинённый убыток, и сердце разрезало болью, словно он потерял что-то очень важное в один миг, в одну секунду своей жизни.

– Так вы нам можете? – снова раздался за его спиной, женский голос.

Он обернулся и, подняв на неё глаза, уничтожая взглядом, резко поднялся на ноги.

– Помочь? – закричал он. – Я, должен тебе помогать, после того, что ты тут устроила?

Полина испуганно на него посмотрела.

– Простите... – она попятилась от него назад, делая шаг за шагом. – Вы что, хозяин этого виноградника?

Он надвигался на неё.

– Да... я хозяин этого виноградника. И ты считаешь, что после всего этого, я должен помогать тебе? Да я и пальцем не пошевелю. Не умеешь ездить, не садись за руль! Где только выдают права таким идиоткам?

Он взглянул на номер её автомобиля.

– Понятно. Права купила там же, где и свою дорогую машину?

Он отвернулся от неё.

– Что? Да что вы себе позволяете? Авария случилась не по моей вине. Меня подрезали с встречной полосы. Мне нужно было спасти жизнь себе и своему ребёнку. А вы тут разводите проблему, из-за какого-то винограда. Жалкий собственник! – закричала на него Полина.

Ярослав резко обернулся и занёс руку над ней, с желанием её ударить. Но безвольно остановил кулак в воздухе, заметив её спокойную реакцию, на его действия. Не отстранилась и не отвела глаз, даже не попыталась увернуться. Она с вызовом смотрела на него.

Он опустил руку, и молча направился к обочине. Отряхнув пыль с брюк, Одонецкий медленно пошёл к своей машине.

Полина бежала за ним следом.

– Простите меня, за мои слова. Пожалуйста, не уезжайте. Я вас очень прошу. Не бросайте нас на дороге. Скоро ночь. Я вам заплачу за нанесённый урон. Только помогите мне, пожалуйста. У меня в машине маленькая дочь, и она тоже пострадала.

Он обернулся и смерил её пренебрежительным взглядом.

– Оставь свои деньги себе, на ремонт машины. Ещё пригодятся.

– Ну, я прошу вас, пожалуйста...

Она схватила его за руку.

– Не уезжайте. Ну, хотя бы ради моего ребёнка.

Он молча смотрел на неё, словно раздумывая. Медленными шагами вернулся к её машине и взглянул в окно, на девочку.

Умиротворяющая картина спящего в машине, ни в чём не повинного маленького ангела, словно заставила оттаять его сердце, и злость моментально рассеялась. Одонецкий достал рацию, и связался со своей охраной.

– Николай, добрый вечер! Да, я на месте. Авария. Да, много кустов повреждено. Разберёмся с этим завтра. Вызови эвакуатор, пожалуйста. Здесь не ловит мобильная связь. Нужно помочь, убрать машину. Да. Я еду домой. Пока!

Одонецкий вернулся к своей машине и сел за руль.

Полина подошла к его открытому окну.

– Спасибо вам большое. Я обязательно заплачу за всё, что уничтожила. Оставьте мне, пожалуйста, свои координаты.

Он смерил её пренебрежительным взглядом, и горько усмехнулся.

– Боюсь для того, чтобы окупить весь урон, что ты тут устроила, у тебя не хватит денег. Даже если ты продашь свою дорогущую машину и всё, что есть в твоей никчёмной жизни. Потому что изнуряющий труд людей, их бессонные ночи, когда они вырастают это...

Он махнул рукой, в сторону виноградников.

– Не компенсируют ни одни деньги. Хотя откуда тебе знать, что такое труд без сна и отдыха...

Он с презрением взглянул на её руки и завёл мотор.

Машина плавно сдала назад и, развернувшись, скрылась за поворотом, в направлении посёлка.

Полина долго стояла на дороге, наблюдая за его удаляющейся машиной.

Его слова поразили её.

Впервые, она встретилась с человеком, который столь отчаянно и самоотверженно говорил о своей работе. Она вспомнила, как он сидел над лозой и гладил её руками, словно ребёнка по голове. Сильный мужчина с таким тонким ощущением жизни и глубоко понимающим её смысл.

Она снова и снова, пока ждала приезда эвакуатора, вспоминала его лицо и их словесную перепалку. Его, наполненные яростью глаза, обвинения в её адрес и его ненависть к ней, которая просто накрывала тяжёлой волной удушья.

Случайная встреча на дороге, досадная, обидная и её непрекращающиеся мысли об этом мужчине, невольно посетившие её. Она не могла понять, почему спустя час после его отъезда, она всё ещё продолжала о нём думать....

Ярослав приехал домой.

Открыл калитку, прошёл по узкой аллее, ведущей к дому и, достав ключи, открыл входную дверь. Зашёл на кухню, тяжело опустился на стул и стал пристально смотреть в темноту за окном.

Дверь слегка скрипнула, и через мгновение он почувствовал у своих ног, лёгкое движение воздуха. Опустил глаза вниз, столкнувшись взглядом, с двумя прозрачными искрящимися изумрудами, отражающими в себе задатки необыкновенного ума и абсолютного понимания.

Огромный пушистый огненно-рыжий кот сидел у его ног, задрал голову вверх, и пристально вглядывался в глаза хозяина. Уши его подрагивали, он слегка постукивал хвостом вокруг себя по полу, и словно сканировал душу своего хозяина, пристально всматриваясь в его лицо.

– Привет, Василий... – обратился к нему Ярослав, и погладил его ладонью.

Кот моментально подскочил на лапы и потёрся лобастой головой о любимую хозяйскую руку.

Ярослав, невольно заулыбался.

Это была единственная живая душа за последние несколько лет, которая согревала его сердце верно и преданно. Он вспомнил, как подобрал его в дождливый день на винограднике, худого и измождённого, маленьким котёнком. Еле выходил тогда, и оставил у себя жить.

Они были похожи друг на друга. Два отшельника, две сильные и независимые натуры, два характера, не нуждающиеся ни в ком, и ни в чём. Понимали друг друга без слов и лишних объяснений.

Василий был на хозяйстве в доме и во дворе. Никогда не безобразничал, даже будучи маленьким котёнком. Напротив, всячески пытался отблагодарить хозяина, за спасённую когда-то жизнь. Изрядно ловил мышей по всему дому и согревал сердце и душу Ярослава по ночам, когда спал неизменно в ногах, словно верный сторож. По утрам, провожая в гараж, когда Одонецкий собирался на виноградники и встречал по вечерам, когда тот возвращался с работы. Единственное, что его раздражало, и не давало покоя, это когда на их совместную с хозяином территорию, приходили чужие женщины. И тут он, всегда мстил изрядно. Не мог и не хотел признавать выбор Одонецкого. И своими методами боролся с этими неожиданными гостями, чем неизменно всегда вызывал бурное возмущение особей женского пола и громкий смех Ярослава.

Вот и сейчас, кот смотрел в лицо хозяина, и пытался понять, кто или что могло так его расстроить. Он поднялся на задние лапки и коснулся передними, ног Одонецкого. Ярослав поднял его на руки, и положил на колени. Кот удобно устроившись, и почувствовав любимую ладонь на своей спине, громко замурлыкал.

Ярослав всё ещё думал о случившемся сегодня на винограднике.

Завтра предстояла большая работа по зачистке территории, где произошла авария. Много работы, урона и восстанавливать придётся всё слишком долго.

Он тяжело вздохнул, вспоминая случившееся, и дерзкую пигалицу, пытающуюся ему возражать, и что-то парировать, на его обвинения.

– Дура! Идиотка! – произнёс он вслух, и громко стукнул кулаком о столешницу.

Кот прижал уши и прикрыл глаза, внимательно вслушиваясь в слова хозяина.

Ярослав тут же вспомнил маленького ангела, мирно спящего в машине на куче какого-то тряпья. Тут же, ещё раз отпустил вслух несколько грубых слов в адрес её непутёвой мамы, уложившей спать дочь в таких условиях.

– Может, обманула? Может, она ей вовсе, и не дочь? – подумал Одонецкий, про себя.

Когда он приехал на место, и увидел случившееся, то сразу же захотел вызвать полицию, и привлечь наглую зарвавшуюся хамку к ответственности, и возмещению материального ущерба. Но впоследствии, именно девочка заставила его этого не сделать. Побоялся напугать её ещё больше. И потому оставил всё, как есть.

Он всегда сам, так мечтал о детях. Но Наталья за пять лет их совместной жизни, так и не решилась родить. Место главного экономиста в фармацевтической фирме, заставляло её строить карьеру и не думать о беременности. А он очень хотел ребёнка. До безумия, любил своих троих племянников. Бросая периодически свой напряжённый график работы, уезжал в Геленджик с кучей подарков и проводил там с ними всё своё свободное время. Они гоняли мяч на футбольном поле, катались на аттракционах, ходили в кино и на пляж.

Ярослав невольно заулыбался, вспоминая детей своего брата.

Он взглянул на часы, на стене. Почти, двенадцать ночи. Завтра предстоял трудный день и нужно ложиться спать. Одонецкий аккуратно снял с колен кота, положил его на стул, и поспешно вышел из комнаты, направляясь в спальню.

Глава 3

Полина с дочкой добрались до дома, только ближе к полуночи. Дягилева стояла в центре двора и обводила взглядом дом бабушки, освещённый тусклым светом уличных фонарей.

Деревянный, тёплый, уютный и очень аккуратный дом, был расположен в глубине фруктового сада. С особой, только его отличающей на всей улице, дополнительной надстройкой над серединой дома. С отдельной крышей, большим окном в сад и изящным балкончиком. Пропильная узорная резьба, словно тонкое кружево, окутывала раму окна и карниз крыши, этого небольшого помещения. Мезонин в форме четырёхугольника с двускатной крышей, всегда светлый от заливающего его по утрам солнца.

Это было любимое место Полины в доме, когда она приезжала сюда летом в гости к бабушке. Сидела там всегда наверху с книжкой в руках, возле открытого окна. Смотрела на море, куда-то далеко за горизонт, и представляла себя, в своих мечтах, сказочной принцессой, заточённой в башне, за которой непременно явится в какой-нибудь счастливый день, прекрасный принц и увезёт её отсюда за тридевять земель.

Она грустно улыбнулась, вспоминая свои детские мечты.

Сказка так и не воплотилась, в реальность... Прекрасный принц оказался злым кощеем, который любил только деньги и свой собственный успех, а его царство за тридевять земель, рассыпалось на части, как карточный домик, так и не став никогда её родным домом.

И вот, осталось неизменным, только одно...

Это тихое и уединённое место, где всегда дует свежий ветерок в лицо, пахнет яблоками, морем и постоянно слышна его дивная песнь, и днём, и ночью. Шум прибоя, который наполняет душу счастьем и щемящей радостью, от того, что она, наконец, дома...

С трудом открыв старый замок входной двери, они зашли в прихожую. Почти все их вещи остались в машине, которую с помощью эвакуатора, Полина оставила на круглосуточной станции технического обслуживания автомобилей. Она прихватила с собой в такси, только сумку с документами, гигиенические принадлежности и пару комплектов постельного белья.

Алинка уже убежала в комнату, а Полина присела на краешек старой банкетки, стоявшей по-прежнему в углу прихожей, и осмотрелась по сторонам. Здесь царил всё та же старая, не меняющаяся с годами обстановка. Купленная ещё в советское время, мебель, поклеенные на стены дешёвые обои и связанные бабушкиными руками плетённые круглые коврики на полу. Несмотря на старую обстановку, дом по-прежнему хранил тот необыкновенный запах. То ощущение, которое навсегда, словно аромат самых любимых духов, запечатлелся в её памяти навсегда. Запах домашнего уюта и родного места, несмотря на то, что дом осиротел три месяца назад, потеряв навсегда добрую волшебницу и хранительницу семейного очага, этого удивительного места.

Полина поднялась на ноги, разулась и направилась в спальню, стелить постель и укладывать дочку, спать. Взбив тщательно подушки, и прикрыв постель пледом, она на минуту ещё задержалась в комнате.

Подошла к старой тумбочке у кровати, и провела рукой по фотографии, где она сама была изображена, в красивом конкурсном платье цвета спелого граната. Это было её выступление на европейском турнире в Германии. Ей здесь, двадцать три. Окрылённая своим успехом, лучезарно улыбающаяся, с гордой осанкой. Объектив запечатлел момент, её чувственного триумфа и необыкновенного полёта в танце. Грациозно раскинутые руки в стороны, изящный прогиб в пояснице, нога в наступающей на партнёра, уверенной, твёрдой поступи, всепоглощающая страсть в глазах и жестах.

Пасадобль... она вспомнила его до мелочей, каждый такт музыки, темп и ритм движения в танце, звучавшие в унисон с её собственным сердцем. Как же давно это было. Так давно, что уже стала забывать....

Бабушка очень любила эту фотографию и очень гордилась своей внучкой, и радовалась её успехам. Она показывала своим подругам записи выступлений на конкурсах, которые ей присылала Полина. Заботливо собирала вырезки из журналов, в которых печатали фотографии её внучки и её партнёра.

На мгновение, Полина вспомнила, как приезжала сюда редко в последнее время, на несколько кратких дней, вырывая их из своего жёсткого графика постоянных фестивалей и тренировок. Помнила, как бабушка всегда к её приезду, готовила невероятное количество вкусной еды. Зная, что внучке нужно было держать форму, всё равно упрашивала и просила съесть, хотя бы ещё один кусочек десерта.

Слёзы невольно выступили на глазах Полины, от нахлынувших воспоминаний. Она вытерла пальцами глаза и вышла из комнаты.

Прошлась по периметру дома, в поисках дочери. И нигде её, не обнаружив, вышла во двор, окликая её по имени.

Алина обнаружилась в середине двора, под аркой из вьющегося винограда, и прижимающая к себе огромного рыжего кота. Она обнимала его с невероятным обожанием, и целовала, в надменную кошачью морду, к явному недовольству последнего, который упирался в её грудь лапами и грозно предостерегающе мяукал.

– Алина, доченька, отпусти кота. Я же тебе уже говорила, трогать, а тем более брать на руки бродячих животных, нельзя. Это может быть опасно для здоровья.

– Мамочка, но он никакой не бродячий. Посмотри, какая у него чистенькая шерстка. Он пришёл сюда сам, вон из-за того забора.

Она махнула рукой направо, в сторону соседнего дома.

– Всё равно, отпусти его. Пошли мыть руки и ложиться спать. Нам нужно как следует отдохнуть, а с утра пойдём на море. Ты же хочешь купаться и загорать?

Алина кивнула головой, разжала ладошки и, отпустив кота, побежала к матери.

Кот грузно плюхнувшись на землю, долго мотал головой, бесконечно отряхивался и облизывал шерсть, словно пытался избавиться от ласки, этой маленькой прилипалы. Он с интересом рассматривал своими глазами новых соседей, так внезапно появившихся во дворе этой поздней ночью.

Алина заснула очень быстро, а Полине не спалось. Несмотря на усталость, накопившуюся после длинной дороги, и ужаса пережитой аварии, она лежала с широко раскрытыми глазами, наблюдая за раскачивающейся в темноте, веткой за окном. И думала снова, о своём случайном знакомом. Удивительный человек! Угрюмый, грубый, невежливый, но вместе с тем, какой-то, человечный. Она вспомнила, как он смотрел на спящую в машине Алину, и как в этот момент, нежно улыбался краешками губ. И как тут же изменил своё решение и помог им с эвакуатором.

Она вспоминала его лицо. Проводила воображаемо пальцами по его волосам.

– Интересно, какие они на ощупь? – подумала она.

Мысленно проводила пальцами по его векам, губам и шраму. Нет, он его совсем не портил, просто, лишь слегка, придавал его лицу оттенок некоторой мрачности и тайны.

Она вздохнула и прикрыла глаза.

Удивительно, человек, которого она видела первый, и последний раз в своей жизни, так взбудоражил её мысли и воображение.

Алина рядом заворочалась во сне. Девочка что-то бесшумно проговаривала губами.

Полина укрыла её одеялом и, повернувшись на другой бок, задремала сама.

Она проснулась, услышав, громкий плач дочери. Резко подскочила на кровати и взглянула на часы. Четыре утра.

Малышка плакала навзрыд и тяжело дышала. Придвинувшись к ней ближе, Полина обняла её и прижала к себе.

Алина обхватила её ручками за шею и жалобно на неё посмотрела.

– Мамочка, мне жарко. У меня болят ручки и ножки. Больно, мамочка. Мне очень больно. Девочка снова громко расплакалась.

Дягилева поднялась с кровати и включила свет в комнате.

Алина поспешно прикрыла глаза ладошками.

– Мама, не надо свет... Глазки... мне больно!

Полина стремительно приблизилась к дочери.

– Господи, доченька да что с тобой?

Она присела с малышкой рядом и прикоснулась губами её лба. Кожа девочки горела огнём, щеки заливал неестественный румянец, а глаза излучали лихорадочный блеск.

Дягилева бросилась в прихожую к своей сумке, где была уложена аптечка со всем необходимым, собранная перед отъездом руками заботливой бабушки. Вытряхнув всё содержимое сумки на пол, она только сейчас вспомнила, что в дороге переложила аптечку в боковой карман чемодана, который остался в машине на станции технического обслуживания.

Она бегом направилась в ванную, надеясь, что у бабушки осталось что-нибудь из лекарств. Но всё, что она обнаружила, это упаковку початого блистера таблеток от повышенного давления.

Полина ходила над дочкой взад и вперёд, не зная, чем ей помочь. Невольно лишённая родительского опыта, она просто не знала, что делать. Заламывая руки, она была в панике. Держала в руках телефон, пытаясь вспомнить экстренный вызов скорой помощи, используя мобильную связь. Набирала спонтанно какие-то цифры, и, услышав голос оператора, о неправильно набранном номере, сбрасывала звонок.

Алина начала бредить и метаться по постели. Полина плакала, крепко прижимала её к себе, пытаясь, спасти, согреть своим материнским теплом, хотя тело девочки и так горело от высокой температуры. Она даже не могла её измерить. Градусника в доме тоже не было.

Женщина присела рядом с дочкой на постели и, прикрыв её тело, лёгкой простынкой, обратилась к ней:

– Солнышко, подожди меня немножко, я сейчас отлучусь ненадолго. Сбегаю к нашим соседям, может у них есть какое-нибудь жаропонижающее лекарство.

Девочка, молча, кивнула головой.

Полина выбежала из дома и направилась к калитке. На улице резко остановилась, раздумывая куда идти.

Она подошла к дому, который был расположен слева и скрыт за высоким металлическим забором. Она нажимала кнопку звонка, стучала руками в дверь. Собака заливалась яростным лаем за забором, но двери ей никто не открыл.

Она вернулась к своим воротам и направилась к дому справа.

После первого же звонка, где-то наверху дома распахнулось окно, и раздался сонный мужской голос.

– Кто там? Что нужно?

– Откройте, пожалуйста, прошу вас! Мне нужна ваша помощь!

Сначала воцарилось молчание, затем окно громко захлопнулось.

Полина ещё несколько раз ударила руками в ворота. Обессиленная, она опустилась прямо на землю и закрыла лицо руками.

Калитка открылась.

– Ты что, преследуешь меня что ли? – раздался грубый, неприятливый мужской голос.

Она подняла глаза и увидела перед собой мужчину, того самого хозяина виноградника, где произошла авария. Он стоял перед ней, босой, в не застёгнутой рубашке и светлых льняных брюках.

– Это вы?

Она удивлённо на него посмотрела.

– Я. Так что тебе нужно, посреди ночи в моём доме?

Полина словно опомнилась и быстро поднялась на ноги.

– Помогите мне, пожалуйста! У меня заболела дочь. У неё сильный жар. Она бредит. Пожалуйста...

– Послушай... Я не врач. Вызови скорую помощь и иди, жди их приезда.

– Я не помню номера, как делать вызов с мобильного телефона.

Она опустила глаза.

Мужчина на неё смотрел, как на умалишённую.

– Послушай, а это точно твоя дочь?

Она подняла на него глаза и немного растерялась, пытаясь понять смысл его слов.

– Конечно моя. А почему вы спрашиваете?

– Просто такое ощущение, что она появилась в твоей жизни, только вчера. Что, за столько лет своей жизни, она ни разу так тяжело не болела?

Полина промолчала.

Ярослав вздохнул и достал телефон из кармана брюк. Набрал номер неотложки и протянул его Полине.

– Вызывай их, а я пойду, принесу лекарство.

Когда он вернулся, Дягилева стояла, прислонившись спиной к его забору, с блуждающим, бессмысленным взглядом.

– Вот держи, – он протянул ей упаковку Парацетамола и градусник. – Дашь ей только половину одной таблетки, и запьёт пускай обязательно большим количеством воды. Сделай раствор уксуса, в пропорции один к одному и обтирай ребёнку всё тело. И пока, всё... Дальше врачи разберутся сами.

Полина взяла таблетки, поблагодарила, но осталась стоять на месте.

– Что-нибудь ещё? – недовольно спросил Ярослав и посмотрел на неё.

– А вы, не могли бы, пойти со мной? Мне очень страшно одной. Пожалуйста...

Одонецкий молча, смотрел на неё несколько минут. Немного подумав, тяжело вздохнул и направился к её дому.

Полина бежала вслед за ним, с трудом поспевая, за его большими шагами.

Кот, который всё это время сидел на земле между ними, и слушал внимательно их разговор, поворачивая голову то в его, то в её сторону, тоже стремительно сорвался с места и побежал за хозяином к соседнему дому.

Они вошли в спальню, и Ярослав тут же подошёл к девочке. Он заметил её красное личико, сильную дрожь в теле, потрогал руками ледяные ручки и ножки и главное, что его беспокоило, это её тяжёлое, прерывистое дыхание.

Одонецкий резко повернулся к Полине.

– Ты дозвонишься в скорую помощь?

Она молча кивнула.

– Быстро разводи уксус водой. Неси ложку, я измельчу таблетку. Она сейчас в таком состоянии, не сможет её проглотить сама. Да, пошевеливайся, чего ты на меня смотришь?

Полина вздрогнула и, развернувшись, быстрыми шагами направилась на кухню.

Кот тихо подошёл и запрыгнул на кровать. Внимательно посмотрел на хозяина, и прилёг рядом с девочкой.

– Вася, прошу, уйди дорогой, – тихо обратился к нему Ярослав, и слегка оттолкнул его рукой. – Я знаю, ты хочешь помочь, но это ей сейчас не поможет. Не мешай мне, уходи...

Кот внимательно посмотрел в глаза Ярослава, нервно дёрнул хвостом и, поднявшись, перелёг на край кровати, больше не трогаясь с места.

Одонецкий поставил девочке градусник и присел рядом, пристально вглядываясь в её лицо.

Полина появилась в комнате, протягивая ему ложку для лекарства. Поставила воду с уксусом на тумбочку и отошла в сторону.

Ярослав недовольно на неё посмотрел.

– И что дальше? Что, встала? Давай бери ткань и протирай тело, подмышки и область паха ребёнка.

Он сам взял один из кусков ткани, вымочил его в воде, и положил на лоб малышки.

Полина дрожащими руками отжала салфетку и аккуратными движениями, принялась обрабатывать раствором тело дочери.

Ярослав вытащил градусник. Его спина похолодела. Почти сорок.

– Надо дать ей лекарство. Помогите мне, поддержите её голову. Я постараюсь аккуратно влить ей таблетку, разведённую в воде.

Ярослав подошёл к тумбочке и, размяв таблетку, высыпал содержимое в четверть стакана воды. Но тут же, уронил стакан на пол, от внезапного, ужасающего крика Полины.

– Алина! Доченька, господи, да что с тобой?

Одонецкий резко развернулся.

Малышка забилась в судорогах. Полина удерживала её изо всех сил, пыталась разбудить её, кричала, поднимала с подушки и сажала в постели, крепко прижимая к себе.

Ярослав стоял словно окаменевший. Конечно, он знал, как нужно действовать в подобной ситуации. Когда-то всё это даже применял на практике, пока работал в авиации. Но с ребёнком, никогда не приходилось иметь дело. Жуткий страх и растерянность охватили его. Всего на мгновение, потому что отрезвил его нечеловеческий крик Полины, взывающей к своей дочери с раздирающими на части душу причитаниями.

– Доченька, родная моя... Господи, что же мне делать? Алина, Алиночка... – она кричала, продолжая истошно плакать на всю комнату, крепко прижимая к себе, бьющуюся в судорогах дочь.

Малышка начала задыхаться, пытаясь откашляться, но у неё ничего не получалось. Её глаза судорожно открывались и закрывались, личико было перекошено.

Ярослав стремительно подошёл к кровати и, взяв Полину за руку, резко отстранил её от дочери.

– Иди на улицу, и встречай неотложку...

– Но я... Я не уйду... Она моя дочь, пожалуйста, я должна быть здесь... – взмолилась она. Он резко на неё обернулся и закричал.

– Убирайся из комнаты, пока я тебя не вышвырнул! Быстро! Пошла, отсюда!

Полина смотрела в его глаза, полные ярости и тихо плакала. Слёзы катились по её щекам. Она ещё раз взглянула на бьющуюся в судорогах дочь и, закрыв лицо руками, медленно вышла из комнаты.

Пальцы Одонецкого дрожали. Он снова растерялся. Страх сковал его тело, но лишь на мгновение. Медлить, было больше нельзя.

Судороги продолжались, тело малышки стало серым, губы почернели, на губах выступила пена. Он повернул её на бок, и удерживал в таком положении, обложив подушками. Развёл в стакане ещё пол таблетки парацетамола, но дать лекарство не смог. Девочка захлёбывалась. Организм в таком состоянии отторгал таблетки.

Одонецкий разговаривал с ней, не давая заснуть, тормозил за хрупкие плечики, будил, просил смотреть на него, снова и снова обтирал её горячее тельце уксусом.

Через минуту малышка начала задыхаться ещё сильнее, судороги усилились. Он прислушался к ней. Дыхания, почти не было слышно.

Ярослав взялся рукой за голову, в бессилии провёл ладонью по волосам. Руки его похолодели. Он понимал... это остановка сердца...

Бросив покрывало на пол, он взял малышку на руки и уложил на него. Он знал, нужно было сделать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, но боялся. Боялся не рассчитать силу своих рук, и травмировать хрупкую грудную клетку ребёнка.

Но раздумывать у него больше времени не было, тело малышки уже синело. Он сложил свои ладони крест-накрест на её груди и сделал первое осторожное надавливание, вспоминая всё, чему когда-то учился на курсах первой доврачебной помощи.

Пот стекал по его лицу, кожа горела, сердце билось у самого, словно отбивая двести ударов в минуту.

Но он не останавливался, пытаясь заставить работать маленькое сердечко, которое было сейчас в его руках.

– Ну же малыш. Давай, давай дыши. Помоги мне, пожалуйста. Давай же. Давай... – кричал он, обращаясь к ней не переставая, делая надавливания на грудную клетку и вдыхая в неё воздух ртом, периодически проверяя её пульс.

Через несколько минут Алина, наконец, сделала тяжёлый вздох, словно задыхаясь и вздрогнув в его руках, наконец, задышала сама, издавая хрипящие звуки из горла. Зрачки в её глазах сузились, губы порозовели. Слегка приоткрыв глаза, она смотрела на него затуманенным взором, растягивая губы в слабой улыбке.

Слёзы невольно выступили в глазах Ярослава.

Присев возле неё на коленях, он обхватил её руками за плечи и крепко прижал к себе, обнимая за голову.

Полина вбежала в комнату, вслед за бригадой скорой помощи. Она увидела Ярослава, который сидел на полу, и крепко прижимал к себе, её дочь. Дягилева замерла на месте.

Врач тронул мужчину за плечо, и он резко обернулся, словно вышел из гипнотического сна.

– Давайте, папаша, дальше мы сами. Поднимайтесь...

Ярослав разжал руки и осторожно опустил Алину на пол.

Он тяжело поднялся и пошёл на выход из комнаты. На пороге ещё раз оглянулся, на суетящихся вокруг девочки врачей, и поспешно вышел из дома. Спустившись по лестнице, он присел на последней ступеньке и прислонился спиной к перилам. Жадно вдыхая свежий воздух, прикрыл глаза. Открыл их, только когда почувствовал тёплый бок Василия рядом с собой. Кот устроился поблизости и пристально вглядывался в глаза хозяина.

– Ну что Василий, кажется, мы справились. Мы спасли её...

Одонецкий словно провалился во времени, словно потерял его счёт. Он просто сидел и смотрел в пустоту. Все ещё переживая, случившееся...

Очнулся, когда увидел перед собой Полину, стоявшую перед ним на коленях. Ярослав сосредоточил на ней свой взгляд.

Она осторожно коснулась его плеча.

– С вами всё в порядке? – спросила она.

Одонецкий молча, кивнул.

– Спасибо вам большое! Врач сказал, что если бы не ваши действия, то Алинка бы...

Она снова заплакала.

– Не за что. Иди к дочери, – устало ответил он.

Она погладила его по руке ладонью, пристально всматриваясь в его глаза. И поднявшись на ноги, медленно пошла по ступеням, возвращаясь в дом.

Ярослав тяжело поднялся на ноги и всмотрелся в ночное небо, понимая, что заснуть сегодня, уже не сможет.

Чья-то рука коснулась его плеча.

Он обернулся.

Пожилой врач скорой помощи внимательно смотрел в его лицо.

– Хорошая работа, сынок! Была остановка сердца? Ведь так?

Ярослав молча, кивнул головой.

– Ты врач? – спросил у него доктор.

– Нет. Пилот гражданской авиации в прошлом. Когда-то оканчивал курсы первой доврачебной помощи.

Доктор смотрел на него очень внимательно.

– Почему вы ехали так долго? – устало спросил у него Одонецкий.

– Большая авария была на дороге. Пока объехали...

– Что с девочкой?

– Скорее всего, острая респираторная вирусная инфекция. У неё был сильный жар и это естественная реакция её маленького организма на такую высокую температуру, поэтому и начались фебрильные судороги.

– А остановка сердца?

– Такое бывает, но гораздо реже. Это уже особенности её организма. Мы забираем её в больницу.

– Понятно. Извините, мне нужно идти.

– Разве, ты не поедешь в больницу, со своей дочерью?

Ярослав грустно улыбнулся.

– Она не моя дочь. Я просто их сосед. До свидания!

– До свидания, – задумчиво произнёс врач.

Ярослав медленно пошёл к калитке, направляясь к своему дому.

Кот ловко взобрался на забор и через мгновение, оказался на своей территории, раньше хозяина, встречая его уже на пороге дома.

Полина вышла за носилками, на которых лежала её дочь. На мгновение, она остановилась и посмотрела на скрывающуюся за забором, мужскую фигуру. Он направлялся к своему дому.

– Господи, он спас мою дочь! Чужой, абсолютно чужой человек, спас мою девочку от смерти, – подумала она про себя. – Человек, который ещё вчера вечером хотел только одного, уничтожить её за то, что она сделала на его виноградниках. Простил. Оставил все обиды, ради спасения её малышки. А она даже не знает, как его зовут. Не знает, даже его имени...

Внутри, душу резануло острым ножом стыда.

Она снова и снова смотрела на закрытую дверь его дома, где он скрылся буквально пару минуту назад.

– Мама, садитесь в машину, нам нужно ехать.

Врач коснулся её плеча.

Она согласно кивнула, прошла в автомобиль и присев возле Алины, взяла её за руку.

Ярослав стоял у окна, наблюдая за отъезжающей машиной скорой помощи. Он снова смотрел на потемневшие окна соседнего дома, вспоминая, словно кошмарный сон, события этой ночи. Случайные знакомые, при неприятных обстоятельствах на винограднике, снова появились в его жизни, нарушая тихое уединение и спокойную жизнь.

Он уже давно не помнил, когда переживал подобное потрясение, равноценное сегодняшнему происшествию.

Кто они? Новые хозяева, купившие дом Евдокии Петровны? Или просто снявшие его на лето, отдыхающие из Питера?

Он задавал сам себе эти вопросы.

Прежняя хозяйка дома... Женщина, недавно покинувшая этот мир, и оставившая после себя, только добрую и вечную память. Всегда была готова, всем прийти на помощь, всегда приветливая, улыбчивая и необыкновенно щедрая душой. Такой же была когда-то, только его мама.

После его возвращения в посёлок, именно Евдокия Петровна и поддерживала его все эти годы, особенно после смерти отца. Любила его как своего сына, журила за работу без отдыха, приносила домашний обед и выпечку, зная, что у холостяка, ничего нет путного в холодильнике. Всегда говорила о том, что он молод и должен создать семью и родить детей.

Ярослав поднял глаза к небу и мысленно обратился к ней, словно просил поддержки и успокоения, на эту длинную, бесконечно длинную для него ночь...

Глава 4

Прошла неделя

Утром Ярослав собирался на работу. Подхватив со стола пакет с документами и ключи от машины, он вышел во двор. Открыл дверь автомобиля и хотел уже сесть в салон, когда боковым зрением, заметил какое-то движение, за раскрытыми на улицу воротами. Он повернул голову.

На него внимательно смотрела мордашка соседской девочки.

Одонецкий поманил её пальцем.

Она улыбнулась и не торопясь, подошла к нему.

– Здравствуй! Тебя уже выписали из больницы? – обратился он к ней.

– Здравствуйте! Выписали. Я уже здорова.

– Можешь обращаться ко мне на «ты». Ты что-то хотела?

Она высоко подняла голову, пытаясь окинуть его взглядом полностью. Ещё мгновение, молча, смотрела на него, потом встала на цыпочки, протянула руку и, коснувшись его рубашки, потянула за неё, чтобы он присел.

Ярослав опустил перед ней на одно колено и внимательно посмотрел в её глаза. Чистые, ясные, и очень, очень серьёзные.

– Я знаю, ты спас меня... – тихо сказала она, пристально вглядываясь в его глаза.

– Тебе мама сказала?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. Я помню сама. Я слышала твой голос и видела тебя, когда заболела и крепко спала.

Когда не могла проснуться. Ты будил меня...

У Ярослава внутри сжалось сердце в какой-то жалкий дрожащий комок.

– Да, я пытался, будить тебя. И разбудил...

– Я это помню. Спасибо тебе! Потому что мне там было очень плохо. Там не было никого, ни мамы, ни бабушки и там было так темно и так страшно... Спасибо!

Она стремительно обняла его за шею и прижалась к нему, крепко сжимая его своими маленькими ручонками.

Ярослав на мгновение опешил, замер, безвольно опустив руки по бокам тела. Но уже через минуту крепко обнял её и прижал к себе, поглаживая по волосам.

– Не благодари меня. Я ничего не сделал, особенного. Просто разбудил тебя...

Внутри него разлилось, какое-то щемящее чувство абсолютной нежности, нерастраченных отцовских чувств, чего-то непонятного, чего он никогда не испытывал в своей жизни. У него... Человека, который славился на всю округу своим жёстким нравом и нелюдимостью. За глаза, которого весь посёлок называл отшельником и затворником. Его сердце таяло сейчас, словно мороженое в жаркий полдень, от простой детской благодарности.

Он нежно отстранил от себя Алину и спросил:

– Как тебя зовут?

– Алина Беркутова.

– А я, Ярослав. Ярослав Одонецкий.

Девочка осторожно провела пальчиками по его щеке, на которой был шрам.

– Ты таким родился?

Ярослав поморщился.

– Нет. Я родился без этого шрама.

– Тебе больно?

– Уже нет. Было больно когда-то давно. Очень больно. Вы купили этот дом с мамой?

– Нет. Это дом моей бабушки, вернее старой бабушки. Ой... Я забыла это слово...

– Прабабушки?

– Да, – Алинка заулыбалась. – Ой, мама...

Девочка показала пальчиком в сторону открытых ворот.

Полина медленно подошла к дочери и взяла её за руку.

– Доброе утро! Извините за вторжение. Алина вас не сильно задержала? Я видела, вы уже уезжали на работу.

Он, молча, смотрел на неё.

– Доброе утро! Ничего страшного. Успею.

– Мы с вами даже не познакомились. Полина Дягилева. Я новая хозяйка этого дома

Она показала рукой влево.

– Ярослав Одонецкий. Волею случая, оказавшийся, вашим соседом.

Она протянула ему руку.

– Очень приятно! Спасибо вам огромное, ещё раз, за спасение моей дочери.

Он протянул свою руку в ответ.

– Не стоит. Вы извините, но мне уже действительно пора ехать на работу. Не более больше, – обратился он к Алине и, погладив её по волосам, сел в машину.

Полина с дочкой вышли со двора его дома и остановились на подъездной дороге.

Дягилева долго стояла и смотрела ему вслед.

– Мам. Ну, мам... Ты меня слышишь?

Алина теребила её за руку, пытаясь растормошить.

– Что, дорогая?

Женщина присела на корточки перед дочкой.

– Мама, мне очень нравится наш сосед дядя Ярослав. Он такой добрый и хороший. Ведь, правда, мам?

Полина прижала дочку к себе и, поцеловав её в макушку, ответила.

– Правда. Очень хороший. Самый лучший, – уже совсем тихо добавила она, для самой себя.

Полина весь день обивала пороги развлекательных центров, ночных клубов, молодёжных кафе и больших ресторанов посёлка, пытаясь найти работу хореографа или хотя бы возможность устроиться танцовщицей. Но предложения были однотипными, как и в Питере, работа только у шеста.

Последнее место, которое ей посоветовали, был большой пансионат «Парус», расположенный в красивом сосновом бору. На его территории располагались два больших отеля, ресторан, ночной клуб, боулинг, два больших бассейна, теннисные корты и аттракционы.

Она шла по широкой дорожке, вымощенной красивой тротуарной плиткой, с интересом, осматриваясь по сторонам. Кругом царил бурное оживление, и многочисленные отдыхающие наводнили огромную территорию. Получив необходимую ей информацию у администратора на ресепшене гостиницы, женщина направилась к большому офисному зданию в конце аллеи.

Поднявшись на второй этаж, она оказалась в просторной приёмной, где секретарь, узнав о цели её визита, попросила немного подождать и указала рукой на белый кожаный диван, напротив большого морского аквариума.

Алексей Ивлев сидел за столом и с отсутствующим взглядом смотрел в окно, на поблескивающую на солнце морскую гладь.

Его роскошный кабинет был с великолепным видом на море. Дорогой интерьер, выдержанный в классическом стиле, стены пастельного цвета, красивая дорогая чёрная мебель, кожаный большой диван у окна, и большая репродукция картины Джеймса Гейла Тайлера «Белые паруса» на стене у стола переговоров.

Рабочий день только начался, а у него уже не было настроения. После вчерашней размолвки, со своей теперь уже бывшей любовницей, которая высосав из него приличную сумму денег, укатила с молодым любовником на Сейшелы, он был вне себя от ярости. Он полночи выбрасывал из окна своего дома её жалкие тряпки, которые она торопясь, оставила у него.

Он резко поднялся и, открыв платяной шкаф, подошёл к зеркалу, взглянув на своё отражение. Да... он давно не мальчик... Ему сорок девять, но он по-прежнему в хорошей физической форме. Подтянут, строен, регулярно посещающий свои же тренажёрные залы, работающая по несколько часов в неделю с персональным тренером. Он пригладил рукой, свои чуть седеющие на висках тёмно-русые волосы. Среднего роста, крепкого телосложения, с типично мужскими, немного грубыми чертами лица, без излишней привлекательности. Он всегда пользовался успехом у женщин. Был женат трижды и все три раза уходил всегда сам. Надеялся в глубине души, что женщины были с ним рядом, не только из-за его больших денег, но и любили другие его качества и достоинства.

Он владел несколькими отелями в Геленджике и Новороссийске, два ресторана, три ночных клуба и огромное количество людей, которые были в его подчинении.

Сам он предпочитал жить в посёлке Дивноморское. На побережье выстроил себе великолепный трёхэтажный особняк с роскошным садом, большим кортом и бассейном, соизмеримыми с небольшую футбольную площадку. Периодически приводил туда женщин. Некоторые задерживались там, на определённое время, некоторые покидали его сразу же. Всегда делал выбор сам, в основном в сторону своего обслуживающего персонала. Смазливые официантки, танцовщицы, администраторы ресепшен. Он уже сбился со счёта сколько из них, перебивали в его широкой постели.

Он заулыбался.

– Похоже, нужно срочно найти замену Снежане... – подумал он про себя и, его настроение сразу же улучшилось.

Он перебирал в памяти всех красивых новых сотрудниц, пытаясь найти претендентку, способную удовлетворить все его желания и мечты.

Его размышления прервал охранник, появившийся на пороге.

Алексей нехотя повернул голову на мужчину.

– Что случилось? Чего врывается без предупреждения?

– Шеф, там к вам пришла девушка. Секретарь передала нам её документы. Мы пробили её, сразу же по своим каналам. Она из Питера, ищет работу.

Ивлев усмехнулся.

– Официанткой? Посудомойщицей? Какого чёрта, вы тащите ко мне весь персонал? Что, не можете сами решить этот вопрос?

– Нет. Она профессиональный танцор бальных танцев. У неё удостоверение мастера спорта международного класса.

– Что?

Ивлев поднялся с кресла.

– И что же, она забыла тут, в этой глуши. Мастер спорта, да ещё международного класса?

– Шеф, я думал, вас это заинтересует. Девчонка, высший класс! Фигурка, личико. В вашем вкусе.

– Откуда тебе знать, про мой вкус?

Ивлев нервно постукивал дорогим «Паркером» по столу.

– Значит, говоришь танцовщица. А у нас разве есть свободные места, в ночном клубе, сейчас?

– Есть. Но она не хочет работать у шеста.

– Да? И кем же она хочет работать?

– Она ищет работу хореографа или тренера по танцам.

Ивлев откинулся на спинку кресла и задумался.

– Ладно, зови её. Я сам на неё посмотрю и подумаю, что ей можно предложить...

Через мгновение, в дверь его кабинета постучали и, подняв глаза, он увидел на пороге своего кабинета прелестное создание.

Молодая девушка с длинными волосами, правильными чертами лица, потрясающе гладкой кожей нежного бежевого оттенка и прекрасными серыми глазами. Её великолепная стройная фигура, словно отлитая в золоте, по абсолютным параметрам, удивительной пропорции и грации. Её тонкое шифоновое платье цвета яркой бирюзы и босоножки на шпильке, будили в нём жгучее мужское желание и, только лишь одно было в его мыслях сейчас, когда он смотрел на неё. Освободить её от этого великолепия, плотно облегающего её тело, уложить тут же прямо на своём столе и овладеть ею, со всей яростью и диким желанием, которое в одну секунду, захлестнуло его, в этот момент.

– Добрый день! – обратилась к нему Полина, прижимая к себе сумочку и папку с документами.

– Добрый день! – ответил Ивлев и, поднявшись, указал ей жестом руки на кресло, стоящее рядом с его столом. – Слушаю Вас! У вас ко мне какое-то дело?

– Видите ли, я профессиональная танцовщица, Полина Дягилева.

Она протянула ему документы.

Ивлев принял папку из её рук и как бы невзначай коснулся пальцами её кожи, нежно погладив кисть её руки.

– Алексей Анатольевич Ивлев, – представился он и, улыбнувшись, добавил. – Хозяин всего, что вы видите вокруг себя и всего, того, что видели пока шли сюда. Шутка...

Он засмеялся.

Полина робко улыбнулась.

Мужчина быстро пролистал бумаги и снова посмотрел на неё.

– Знаете, ваш уровень профессионализма ставит меня немного в тупик. Я не знаю даже, что вам предложить? Ведь танцевать с таким багажом, как у вас, у шеста вы ведь не станете?

– Да вы правы. Я ищу работу хореографа. Я слышала, что у вас на территории пансионата, есть школа бального танца.

Алексей внимательно на неё смотрел.

– Да, вы правы. Школа есть, но у меня там уже работают люди. Конечно, они далеко не вашего уровня, но, тем не менее, очень хорошие танцовщики и превосходные тренеры. Наша клиентура очень довольна.

– Понимаю. Ну что ж, не смею тогда вас больше задерживать, – тихо сказала Полина, и принялась дрожащими пальцами, складывать документы в папку.

Она поднялась с кресла.

Ивлев очень внимательно смотрел на неё.

– Постойте. Я ведь вам ещё не отказал. Вы знаете, у меня появилась идея. У меня есть очень хороший танцор в труппе, но нет достойной партнёрши. Вот я и подумал, почему бы мне не сделать из вас пару, и открыть вечернее шоу в духе «Латино», в близлежащих гостиницах и отелях. Публики здесь много, все довольно состоятельные люди, глубоко ценящие красоту и настоящее искусство. А днём, вы возьмёте старшую возрастную группу наших посетителей, здесь в пансионате, и будете их учить основам хореографии и бальному танцу. Оплату гарантирую хорошую, плюс процент от ночных выступлений, в случае успеха. Ну что договорились?

Он протянул ей свою руку.

Полина ослепительно улыбнулась и протянула ему руку в ответ.

Ивлев взглянул на неё и понял, что пропал... Девчонка, сводила его с ума каждым своим жестом, улыбкой, поворотом головы, он хотел её до безумия. Сейчас, сию минуту, тут же, у себя в кабинете...

Пытаясь возобладать над своим желанием, он глубоко вдохнул и обратился к ней.

– Документы с вами?

Она кивнула головой.

– Я сейчас скажу секретарю, чтобы она проводила вас в отдел кадров. Вам необходимо распоряжение. Оформляйтесь. А вечером прошу пожаловать в наш ресторан. Я познакомлю вас с нашими танцорами.

– Спасибо вам огромное! – ответила Полина и, поднявшись, пошла на выход из кабинета.

Ивлев тяжело опустился в кресло и прикрыл глаза.

– Снова танцовщица...

Он испытывал к ним всегда какое-то особое желание. Горячие штучки на сцене, они были такими же и в постели. И он обожал это!

Ну а эта, похоже, ещё была и из порядочных женщин. На шлюху не похожа. Манеры, воспитание, как садилась, как поворачивала голову, как говорила. Во всем была видна порода, кровь, отборная кровь и происхождение.

– Дягилева... – он усмехнулся... – Надо же, какое совпадение. Не её ли это знаменитый предок в прошлом, был великим антрепренёром в России, первым балетным импресарио и создателем знаменитых «Русских сезонов».

Ивлев задумался, вспоминая историю. Он был искусствоведом по первому образованию и владел многими знаниями в области искусства, особенно всё, что касалось балета и оперы.

Охранник, топтавшийся на пороге, нарушил его уединение.

– Что тебе? – грубо спросил Ивлев.

– Вы её приняли?

– Да. Распорядись о приёме её в труппу Говоркова. Вечером я сам лично познакомлю её с танцорами.

Охранник стоял на месте, видимо, пытаясь что-то спросить.

Алексей поднял на него глаза.

– Что-то ещё?

– Вы не сказали. Привести её сегодня вечером, в ваш особняк?

Ивлев откинулся на спинку кресла.

– Гена, ты узко мыслишь. Если мне будет нужно, чтобы ты её привёз ко мне, я тебе об этом скажу...

– Но, ведь вы всегда, делали именно так, когда приходила новая танцовщица.

– С этой будет всё по-другому. Во всяком случае, пока. Она другая, понимаешь? Дам ей немного времени ко мне попривыкнуть. Ступай. У меня много дел.

Охранник послушно вышел за двери.

Вечером Полина стояла на пороге большого ресторана, находящегося на территории пансионата. Многочисленные мужчины и женщины в дорогих вечерних нарядах проходили мимо неё.

Она подошла к охраннику и протянула временный пропуск, который ей выдали сегодня днём в отделе кадров. Он согласно кивнул головой и объяснил ей, как пройти в кабинет руководства.

Дягилева зашла в вестибюль и осмотрелась по сторонам.

Тёплые уютные стены цвета морского песка, красивые изящные витые люстры на потолке, маленькие бра на стене, красивые картины и изящный столик администратора в центре зала.

Она поднялась на второй этаж и постучалась в большую дверь, в конце коридора.

Получив разрешение войти, Полина переступила порог кабинета. Она сразу же увидела перед собой Ивлева. Он стоял у окна, пристально всматриваясь куда-то вдаль. Обернувшись

и заметив её, он подошёл ближе и, взяв её руку, поднёс к своим губам. Алексей осмотрел её со всех сторон.

– Красивое платье! Хотя то, в котором вы были у меня днём, ничуть не хуже. Мне кажется на вас, что не одень, всё будет сидеть просто идеально...

Полина улыбнулась.

– Прошу, садиться.

Он подвёл её к креслу.

Дягилева присела на краешек сидения и внимательно на него посмотрела.

– Сейчас придёт руководитель группы танцоров. Вы познакомитесь, и он вас представит всем остальным.

Через несколько минут в дверь постучали, и на пороге появился молодой человек, лет двадцати пяти со стройной подтянутой фигурой, высокий, с рельефными мышцами, светлыми волосами и голубыми, казалось даже синими глазами. Он ослепительно улыбался.

– Добрый день, Алексей Анатольевич! Геннадий, сказал, что я вам нужен?

– Да, Владислав, нужен. Позвольте представить вам, Полину Дягилеву. Новую танцовщицу вашей труппы и вашу новую партнёршу

Молодой человек подошёл к девушке.

– Полина Дягилева?

– Мы знакомы?

Полина поднялась с кресла.

– С вами лично нет. Я знаком с вашим партнёром, Егором Беркутовым. Мы выступали вместе с вами на одном фестивале, на чемпионате России в Москве, восемь лет назад. Я думал, вы до сих пор танцуете? Я знаю, Егор до сих пор не оставил выступления.

– Да, это так. Он танцует. Я уже нет.

Ивлев прервал их диалог.

– Ну что, Владислав, церемонии окончены. Проводи Полину в гримёрки и познакомь с остальными танцовщиками. Я подойду чуть позже, поговорю со всеми, разьясню ситуацию о её работе в труппе. И сегодня, она просто будет зрителем в зале. А завтра с утра, начнёте совместные тренировки и работу.

Полина вышла с Владом из кабинета, и он повёл её по длинному коридору. Они спустились по лестнице и оказались в просторном помещении, где уже шла разминка, одетых в костюмы танцоров.

Влад хлопнул в ладоши, и когда музыка стихла, он вывел её в центр зала и представил собравшимся, вкратце объяснив её должностные обязанности в коллективе.

После официального знакомства Полина присела в углу комнаты и принялась наблюдать за тремя парами танцоров, стремительно меняющими свои позиции на паркете. Старательно, отточенными движениями, они чувственно двигались в ритме стремительного «Ча-ча-ча».

Влад присел с ней рядом, и внимательно посмотрев на неё, спросил:

– Нравится?

– Неплохо. Они профессионалы?

– Скорее любители. Они слишком молоды.

– Тогда, могу сказать, что хорошо, если они всего лишь любители. Твоя заслуга?

– Да. Я танцую и одновременно тренирую. Знаешь, тут ведь уже не как в спорте, важны не только свои эмоции и желание, здесь уже примешаны деньги и спрос хозяина гораздо строже, нежели твоя личная совесть, когда ты проигрываешь на конкурсе.

Она на него удивлённо посмотрела.

– Что, наказывает рублём?

– Иногда бывает. Хотя знаешь, мы стараемся, и такое бывает редко. У нас одна общая идея на всех. Мы любим танцевать. А когда за это ещё и хорошо платят, почему бы не постараться.

– Танцуете только Латино?

– Нет, разное. Программу утверждает директор. В основном Латино, балльные редко, только под особую публику и на свадьбах, современные постановки городского балета, модерн, так что расслабляться некогда. Тебе нужно будет пошить костюмы. Завтра придёт наша портниха, пообщаешься с ней. Я примерно объясню тебе, что будет нужно. Да, и ещё...

Он немного замаялся.

– Хотел тебя предупредить, относительно Ивлева. Конечно это не моё дело, но я хочу, чтобы ты знала, он не пропускает ни одной новой танцовщицы. Все, кто работают здесь, побывали в его постели.

Полина посмотрела на него, очень внимательно.

– Будь, осторожна с ним...

Он коснулся её руки и вышел из комнаты.

Полина задумалась над его словами.

Подошедший охранник пригласил её пройти в зал, объяснив, что через несколько минут шоу программа начнётся.

Он проводил её до столика Ивлева. Тот любезно поднялся и, протянув свою ладонь, взял Полину за руку, помогая ей сесть на стул и сам присел, напротив.

– Что-нибудь будете есть? – спросил он у неё.

– Нет. Благодарю. Только воду, пожалуйста...

– Понимаю. Режим питания.

Он махнул рукой официанту и заказал воду.

Свет в зале медленно погас, и большая сцена осветилась ярким светом софитов.

Полина не успевала следить за ярким карнавальным действием, творившимся на сцене в течение двух часов. Зажигательные звуки Самбы, Румбы, яркие костюмы и макияж танцоров, всё смешивалось в едином вихре и порыве жаркой ночи, опустившейся за стенами ресторана и разгорячёнными сердцами сидевших в зале людей, наблюдающих за этим колоритным действием. Даже у неё, казалось бы, знающей о танце и движении практически всё, захватило дух.

Танцоры выкладывались в полную силу, стремительно перевоплощаясь в новые образы, они являли собой олицетворение всех человеческих эмоций в душе и сердце, отражая это в танце. Зажигательные ритмы, сменялись пламенеющим и охлаждающим душу искромётным танго, вечного противостояния мужчины и женщины. Влад двигался в танце грациозно, словно обволакивая, словно растворяя в себе партнёршу, захватывал её в плен своего пространства и без сожаления выталкивал её обратно, когда получал своё чувственное удовлетворение.

Полина невольно провела рукой по своей левой руке, пытаясь разогнать мурашки, появившиеся в этот момент под её кожей.

Снова потемневшая сцена, представила пластический этюд одного героя с его рвущейся наружу мятежной душой, израненной и всеми покинутой. Его метания и медленное расставание с жизнью в конце.

Слезы выступили на глазах Полины.

Игра актёров. Да, именно игра хороших актёров, а уже потом танцоров, завораживала и пленила, не давая ни на минуту отвести своего взгляда от сцены.

Она вздрогнула от прикосновения к своей руке пальцев Ивлева. Он сжал её кисть и внимательно посмотрел в её глаза.

– Вам нравится? – тихо, прошептал он.

Она, молча, кивнула головой и попыталась освободить свою руку. Но он держал её крепко.

– Пойдёмте, потанцуем. Программа всегда заканчивается вальсом. Бальным вальсом, для всех присутствующих.

Он взял её за руку и вывел на паркет в центр зала. Там уже стояли несколько пар ожидая начала музыки.

Полина повернула голову в сторону сцены, и увидела три пары танцоров в потрясающих воздушных, белоснежных одеждах.

Ноты, сложившись в хитросплетения узоров музыки, плавно потекли медленными перепадами в зале. Это была её любимая композиция Secret Garden «Appassionata». Композиция напоминания её прошлой жизни и расколовшейся на части любви к Беркутову. Именно под неё, они танцевали вальс последний раз в своей конкурсной программе. Эта музыка всегда обнажала её душу, всегда вызывала эмоции, заставляя растворяться в танце, чувствуя себя счастливой в нежных руках любимого когда-то мужчины.

Почему-то сейчас, в этот момент, ей больше всего на свете захотелось заплакать...

Пары на сцене начали двигаться грациозно в объятиях друг друга, плавно перемещаясь по кругу.

Танцующие гости в зале присоединились.

Она почувствовала на своей талии руку Ивлева. Он нежно притянул её к себе и посмотрел в глаза. Полина приподнялась по привычке слегка на цыпочки, расправила спину и положила свою ладонь в его руку.

Они медленно заскользили по паркету.

Ивлев очень хорошо танцевал, это она отметила сразу. Он прекрасно вёл её в танце, чувствовал её ритм, никуда не спешил, поддерживал и увлекал аккуратно за собой. Не сводил с неё глаз, пронзая взглядом, словно заглядывая в душу. Его рука почти неощутимо касалась её кожи на спине. Он слегка поглаживал её кончиками пальцев в танце. Их движения были словно сложены в унисон друг другу.

Полина прикрыла глаза, пытаясь в этот момент представить рядом с собой другого мужчину... Смутный неожиданный образ, которого уже несколько последних дней не давал ей покоя.

Она казалось, ощущала сейчас только его тёплые руки на своей коже, чувствовала его силу и нежность одновременно. Она растворялась, таяла, казалось, воспарила, уносясь в небо от охватившего её внутри томительного всепоглощающего ощущения. И чтобы окончательно не уйти из реальности, она продолжала лишь слегка, касаться своими танцевальными туфельками паркета.

Его глаза, губы, плечи, руки... Всё проносилось размытыми всполохами в мыслях, изрядно приправленное нотами этой чарующей музыки, словно обволакивая его образ.

Ярослав... Незнакомый, абсолютно неизвестный человек, но в один миг, ставший таким необходимым и нужным в её жизни...

Кружение вихря вальса, упоительное и возносящее вверх, медленно таяло с угасанием музыки, и отрезвило окончательно, когда она открыла глаза и увидела перед собой другое мужское лицо. Ощутила прикосновение к своей руке чужих губ и ласкающих её глаз, другого не любимого мужчины...

– Полина, я отвезу вас домой, – раздался рядом с ней, тихий голос Ивлева.

Она посмотрела на него отстранённо

– Нет. Благодарю вас, Алексей Анатольевич. Я на машине. С вашего позволения, мне уже пора. Меня ждёт дома маленькая дочь. Спасибо за прекрасный вечер и спасибо, что предоставили мне работу. До свидания.

– До свидания...

Он отошёл в сторону, освобождая ей путь к двери.

Полина стремительно пошла на выход.

А Ивлев ещё долго смотрел ей вслед, не решаясь тронуться с места. Размышляя и обдумывая дальнейший ход своих действий по завоеванию этой женщины, лишившей его в один миг покоя.

Глава 5

Ярослав вернулся домой ближе к восьми вечера. Он подъехал к своему забору и нажал на кнопку пульта, автоматического открывания дверей. Ворота распахнулись, но он не спешил заезжать, заметив маленькую детскую фигурку возле своей калитки. Он медленно открыл двери автомобиля, и вышел на улицу.

Алина спала прямо на скамье, возле ворот, свернувшись калачиком и подложив руку под голову. Василий, как верный сторож лежал возле неё, но заметив хозяина, подскочил на месте и, выгнув спину, сладко потянулся.

Одонецкий присел возле девочки и осторожно тронул её за руку.

Она проснулась и сонными глазёнками посмотрела на него.

– Ты почему, так поздно одна на улице? И почему, спишь здесь? Почему, не идёшь домой?

– Там, никого нет. Я хотела зайти к вам в гости. Звонила, но у вас никто не открыл, только котик вышел меня встретить. Как его зовут?

– Василий. А мама твоя где?

– Мама ушла на работу. У неё сегодня первый день.

– Работа? Так поздно?

– Да. Она пошла, знакомиться с новой труппой.

– С кем? – громко спросил Ярослав.

– Моя мама, танцовщица. А труппа – это люди, с которыми она будет танцевать вместе.

– Понятно. Очень интересно. А я думал, хорошие мамы по вечерам должны быть рядом со своими детьми, а работать должны только днём. Ладно, вставай, пойдём, подождёшь её прихода у меня. Ты голодная?

Алина согласно закивала головой и протянула ему свою руку.

Ярослав взял её протянутую ладошку и повёл за собой в дом. Открыв холодильник, он изучил свои скромные запасы.

– Послушай, а ты не будешь против яичницы с помидорами? Надеюсь, у тебя на них нет аллергии? – громко спросил он.

Алина прибежала откуда-то из комнаты, запыхавшись.

– Нет. Аллергии нет. Я их очень люблю. Буду яичницу и можно из трёх яиц? Я, голодная! Ярослав улыбнулся.

– Что ты делала в комнате?

– Васька показывал мне дом.

– Ясно. А где твой отец? Почему, вы приехали сюда одни?

– Мой папа, танцор. Раньше я жила у бабушки, а папа и мама танцевали на конкурсах.

Потом мама неожиданно вернулась, забрала меня у бабушки, и мы приехали сюда.

– Да, содержательная история. Значит, у тебя в семье одни танцоры?

– Да. И я тоже буду танцовщицей.

– Зачем?

Он удивлённо на неё посмотрел.

– Любишь танцевать?

– Люблю. Хотя, не очень. Просто, все танцовщицы очень красивые. И я хочу быть красивой, как моя мама.

– Ты и так будешь красивой. Для этого, не обязательно быть танцовщицей. Ну, иди, мой руки и садись есть.

Ярослав внимательно смотрел на малышку, пока она ела, и обдумывал её слова. Евдокия Петровна почему-то никогда ему не рассказывала о своей внучке, о конкурсах танцев и тем более о том, что у неё есть дочка.

Одонецкий улыбнулся, когда увидел, как Алина хватается кусочки горячей яичницы, морщится, и смешно дует на неё, своими губами.

Он наложил Василию в миску еды и, поставив вторую тарелку на стол с омлетом для себя, присел с девочкой рядом.

Она весь ужин весело щебетала, и пока он мыл посуду рассказывала ему о своей жизни в Санкт-Петербурге, и о своих планах на будущую жизнь.

Уже, когда заканчивал мыть посуду у раковины, резко обернулся, когда в кухне воцарилась абсолютная тишина. Алина заснула прямо за столом.

Он вытер руки полотенцем и, подняв её на руки, отнёс в гостиную и уложил на диван, подложив под голову подушку. Прикрыв её одеялом, поспешно вышел из комнаты.

На улице присел на скамью у дома и задумался, просто ни о чём, смотрел впереди себя, не моргая.

Мягкая морда кота потёрлась о его руку. Он перевёл свой взгляд на него.

– Ну что, тебе тоже не спится? Мне нужно дождаться её непутёвую мамашу, а то перебудит всю округу, когда не обнаружит её дома.

Ждать пришлось долго. Полина приехала только к одиннадцати. Аккуратно припарковав машину у ворот, она направилась к дому.

– Поздновато для возвращения с работы... – неожиданно рядом с ней, раздался мужской голос.

Она вздрогнула и вгляделась в полумрак улицы.

Одонецкий поднялся со скамьи и подошёл к ней ближе.

– Ярослав, вы меня напугали. Добрый вечер!

– Скорее уже добрая ночь...

– Я сегодня не заметила, как день пролетел. Такая удача, нашла работу!

– Это всё конечно хорошо, а вот то, что дочь без присмотра, это мне кажется, никуда не годится.

– Алина... Господи... с ней что-нибудь случилось?

– Нет. Она спит у меня дома.

– Спит у вас? Но, почему? Я же ей строго настрого запретила выходить из дома.

– Послушай, для ребёнка её возраста целый день просидеть взаперти равносильно, для нас тюремному заключению. Ребёнок должен развиваться, бегать, прыгать, играть со сверстниками. Сейчас лето, ей нужно купаться, загорать. Она только что, так серьёзно переболела, а ты говоришь сидеть дома целый день.

– Но, что я могу сделать? Мне нужно работать. Мы приехали сюда надолго и мне нужны денежные средства. И то, что я нашла работу это большая удача.

– Удача? – Ярослав повысил голос. – Удача, крутить задницей у шеста с ночи и до утра, пока ребёнок спит на скамье у соседнего дома голодный и холодный. Ты просто легкомысленная кукушка...

– Почему вы меня всё время оскорбляете? Почему, допрашиваете? Почему, осуждаете? И причём тут шест?

– Потому что в нашем маленьком посёлке, такие, как ты, работу могут найти только в ночных забегах. Видел, знаю. Поверь, это работа для молодых девчонок, но не для мам с маленькими детьми.

– Я не танцую у шеста. Да, будет вам известно, я профессиональный танцор бальных танцев и никогда не опущусь до уровня танцев у пилона.

– Знаю я кто ты... и все твои заслуги. Дочь твоя весь вечер мне рассказывала. Ты что её не воспитывала никогда? Она всё время, пока ты танцевала, жила с твоей матерью?

Полина опустила голову и промолчала.

– Значит, я правильно понял. А где твой муж? Где отец Алины? Почему он не помогает? Почему не обеспечивает тебя и дочку?

– Я хочу забрать Алину...

Она направилась к его дому.

– Ты мне не ответила.

Он схватил её за руку и притянул к себе.

– Оставьте, меня!

Она выдернула свою руку.

– И прекратите меня допрашивать, вы мне не муж.

– Муж? Да я никогда бы в жизни не женился на тебе...

– Что?

Она резко развернулась.

– А что, во мне не так?

– Ты взбалмошная, избалованная родителями девица. У которой нет никакого чувства ответственности в жизни. Ты живёшь, как мотылёк. Порхаешь и ничего путного, кроме рождения дочери, не сделала в этой жизни.

– Да, как вы смеете...

Она занесла руку для пощёчины, но Одонецкий перехватил её ладонь и завёл её руку за спину, крепко прижимая её к себе.

Казалось, они испепелят взглядом друг друга в этот момент, сердца обоих выбивали хаотичный ритм. Противостояние взглядов, злобы, агрессии и какой-то магии, заставившей на мгновение замолчать обоих.

Полина не выдержала его взгляда, и с трудом освободив свою руку, оттолкнула его от себя и молча, направилась к его дому. Подняв на руки Алину, она прижала её к себе и поспешно вышла из комнаты.

Ярослав стоял внизу на ступенях дома и прожигал её взглядом. Он до сих пор был вне себя от ярости. Ему хотелось разорвать на мелкие кусочки эту мерзавку, которая шла сейчас по ступеням в его направлении.

Поравнявшись с ним, она остановилась напротив, и молча, несколько минут, вглядывалась в его глаза. Горько усмехнувшись, направилась к своим воротам, не прощаясь. У дверей своего дома, Полина ещё раз обернулась в сторону его забора, но Ярослава уже на пороге не было.

Дягилева открыла двери и вошла в дом с Алиной на руках. Уложив девочку в постель, она приняла душ и, взяв книгу с полки, присела на подоконник окна мезонина. Оно было открыто. Свежий ветер с моря, развеивал её волосы, легко скользил по лицу, чуть касаясь кожи. Полина сжала переплёт книжки в руках и прикрыла глаза. Она обдумывала скандал, произошедший с Ярославом, понимая, что он во всём был прав. Она плохая мать и действительно никчёмная по жизни личность. Все, что она умеет это танцевать.

Полина горько усмехнулась.

Она всё выслушала это от мужчины, который в последнее время приятно волновал её сердце, когда она вспоминала его в своих мыслях. Томительное, лёгкое скольжение внутри мягкого шелка по внутренностям, закручивало её в кокон какой-то неги, когда она видела перед собой его образ. Его глаза, его губы. А сегодня, когда оказалась в его объятиях...

– Господи, какие же у него сильные руки... тёплые... немного шершавые на ощупь, но такие приятные... – подумала она про себя.

Почему-то в тот момент ей очень хотелось, чтобы он её поцеловал.

– Интересно, какой на вкус его поцелуй?

Негромкие разговоры и женский смех в соседнем доме привлекли её внимание. Она осторожно отодвинула занавеску и выглянула на улицу.

На втором этаже, в комнате Ярослава горел яркий свет. Занавески раздувались от ветра, скрывая за собой двух людей.

Полина внимательно на них смотрела.

Яркая брюнетка, изящно вышагивала по его комнате, о чем-то увлечённо рассказывая. Она заливисто смеялась, наполняя тихий двор, звуками своего голоса, похожего на звон мелодичного колокольчика. Женщина подошла к окну, остановилась у подоконника и, облокотившись на кисти рук, склонила голову. Ярослав подошёл к ней сзади, обнял за плечи и резко развернул к себе.

Полина затаила дыхание. Она обводила взглядом его обнажённые плечи, красивую фигуру, крепкие мышцы на спине, гладкую кожу. Мужчина был обнажён до пояса, и лишь только полотенце на бёдрах скрывало его абсолютную наготу.

Лицо Полины пылало. Сердце отбивало безумный ритм, словно в гонке за кем-то. Она ловила себя на мысли, что делает что-то неправильное, но оторвать свой взгляд от этой пары, уже не могла. Это было, выше её сил. Нужно было всего-то отойти и закрыть окно. Но она, была словно околдована, и не могла сдвинуться с места.

Одонецкий жадно целовал женщину, увлекая её за собой в комнату. Он касался губами её тела, попутно, освобождая от одежды.

Сердце Полины бешено стучало в груди, руки похолодели. Но она продолжала судорожно следить за его действиями.

Снова жаркие ласки, поцелуи, его губы по всему женскому телу, сильные руки, сковывающие, и не дающие партнёрше ускользнуть и вырваться. Словно танец... Жаркое танго, двух партнёров, противостоящих друг другу и не дающих оппоненту никакого шанса.

Женщина изящно обвивала его за шею руками, обхватывая его ногами за бедра. Полное слияние, казалось, они стали единым целым, в этой безумной борьбе друг с другом. Резкое движение вперёд мужского тела и тишину двора разрезал яркий громкий женский вскрик удовольствия.

Полина отвернулась и тяжело опустилась на пол, у окна. Она заплакала. Сама не понимая почему, но слёзы ручьём побежали из её глаз. Чувственные стоны двух любовников из соседнего дома, оглушали её. Она крепко закрыла уши ладонями своих рук.

Да. Она его ревновала! Словно жена, заставшая мужа с любовницей. Ревновала мужчину, на которого у неё не было никаких прав. Он, даже не был её любовником. Но, сейчас она бы так хотела, оказаться на месте его любовницы. И ощутить сама, всё то, что испытывает сейчас её счастливая соперница.

Полина тяжело поднялась с пола, и громко захлопнув окно, пошла в свою спальню. Но заснуть не получилось, до самого утра. Злость на Ярослава, желание его уничтожить и полное абсолютное осознание накрыло её с головой, что похоже, она безответно влюбилась в него с первого взгляда, ещё там, на винограднике, две недели назад.

Инга сидела на кровати и неторопливо одевалась, кокетливо посматривая на Ярослава.

– Ты сегодня был очень горячим. Слишком горячим и требовательным...

– Разве, я бываю иным?

– Нет, но сегодня ты словно выплёскивал на меня не только желание, но и свой гнев.

– Тебе не понравилось?

– Ну что ты. Просто, необычно как-то...

Она присела с ним рядом и провела пальчиками по его волосам.

– Может, я останусь у тебя сегодня?

– Ты же знаешь, я это не люблю. Мы встречаемся с тобой уже год и сразу расставили все акценты. Мы только спим вместе. Тебя, ведь это всегда устраивало...

– Меня и сейчас устраивает. Просто знаешь, иногда ловлю себя на мысли, что я люблю тебя и одной постели мне мало. Хочется остаться у тебя хотя бы раз, проснуться вместе утром, позавтракать.

– Инга, я не способен любить и строить такие отношения. Прости. Я тебе уже говорил об этом.

– Знаю я, что ты не умеешь любить...

Она погладила его по лицу.

– Послушай Одонецкий, ты красивый мужик! Почему не избавишься от этого шрама на щеке? Почему не сделаешь операцию? Сейчас ведь это не проблема.

Она провела пальчиками по его коже, лаская рубец. Он одёрнул её руку.

– Тебе не нравится мой шрам?

– Я не сказала, что он мне не нравится. Просто человек всегда стремится быть красивым. Зачем тебе этот образ мрачного и одинокого затворника?

Он резко повернулся к ней.

– Образ? Ты считаешь, что это всего лишь образ? Это моя жизнь, и я ничего в ней менять не собираюсь. Если тебя что-то не устраивает, я тебя не держу. Ты свободна...

Он подошёл к открытому окну, и посмотрел на звёздное небо.

Инга подошла к нему сзади и обняла за плечи.

– Не злись, пожалуйста...

Она поцеловала его в затылок.

– Я пойду. Увидимся в конце недели.

Он повернулся к ней.

Инга осторожно прикоснулась к его губам, и поспешно вышла из комнаты.

Ярослав коснулся рукой своего шрама, и тяжело вздохнув, снова повернулся к окну, и посмотрел на соседний дом.

Он вдруг вспомнил, что когда обнимал Ингу у окна, видел в окне мезонина Полину. Девчонка бессовестно за ними подсматривала.

Интересно, насколько её хватило?

Он невольно заулыбался своим мыслям, потому что с чёткостью слышал, как яростно захлопнулось окно, своим звоном грозившее рассыпаться на множество мелких частей, уже в тот момент, когда он страстно овладевал своей любовницей.

Значит, нервы у неё всё-таки не выдержали...

Он тихо рассмеялся. Странная она всё-таки женщина. Взрывная, импульсивная, уже мать, но в поведении иногда суший ребёнок... Интересно, сколько ей лет? Двадцать пять? Двадцать шесть? Что было в её прошлом, кроме танцев?

Поймал себя на мысли, что когда держал её сегодня в своих руках, безумно захотел её. Просто спонтанно, грубо, страстно, по-мужски. Сжать её тело в своих руках, до хруста костей, сорвать одежду, коснуться тела, целовать губы, заставить прекратить спорить с ним и брать, брать её бесконечно, не давая вздохнуть...

Он поморщился от своих мыслей.

Для мужчины, у которого только что, был оглушающий, лишивший его силы многочасовой секс с другой женщиной, такие мысли должны быть просто атипичны. Но он думал о Полине, и снова и снова воображаемо касался её руками, разрезая мысленно пространство её дома, подходил к её постели, невидимой ускользающей тенью ложился с ней рядом и оставался до самого утра, крепко сжимая её в своих объятиях....

Глава 6

Полина проснулась рано. На часах было только четыре утра. Сегодня она спала плохо. То и дело ворочалась с бока на бок, ей снились кошмарные сны, она просыпалась, прислушивалась к шорохам в доме и громким звукам на улице.

Дягилева тяжело поднялась и присела в постели. Спать больше не хотелось, и она решила пойти поплавать. С момента её приезда в посёлок, она так и не была на море. Болезнь дочери, неделя в больнице рядом с нею, её новая работа, загруженность и вечная нехватка времени.

Она опустила босые ноги с постели и на цыпочках прошла к своему гардеробу. Перебрав несколько купальников, она надела сдельный белого цвета и подобрал к нему парео, вышла из комнаты.

Дягилева заглянула в спальню к дочери. Алина крепко спала, обнимая во сне плюшевого слона, с уже изрядно потрёпанной наружностью.

Полина улыбнулась и прикрыла одеяльцем голые ножки дочери. Она вышла во двор и прислушалась.

Кругом царил абсолютная тишина, периодически нарушаемая лишь чудным пением цикады и сверчков в траве. В воздухе пахло цветами из сада и прелой корой старой яблони. Сладкий, волшебный аромат тающей ночи.

Она всегда любила плавать по ночам и ранним утром, несмотря на увещевания бабушки, и мамы. Вокруг было безлюдно. Она слушала тихий шёпот волн и плыла, безмятежно растворяясь в этой величественной стихии.

Обвязав парео вокруг талии и прихватив сумку с полотенцем, Полина подошла к задней калитке двора и, приоткрыв её, вышла на улицу. Спустившись по тропинке с пригорка, она подошла к воде. Волны с тихим шелестом накатывали на берег. Она осторожно опустила пальчики правой ступни в воду, проверяя её температуру. Море было удивительно тёплым с чуть едва различимой прохладной ноткой утреннего бриза, развевающего сейчас её волосы.

Она зашла в воду по грудь и осмотрелась по сторонам. Никого вокруг. Тишина и абсолютный покой властвовали сейчас в этом месте. Полина сложила руки перед собой и нырнула в набегающую волну. Через минуту всплыла на поверхность, глубоко вдыхая, и разрезая руками водную гладь перед собой, поплыла вперёд.

Спустя какое-то время остановилась, и оглянулась на берег, который уже достаточно скрылся из виду. Она прекрасно держалась на воде, ведь плавала с пяти лет. Отец научил. Поэтому не паниковала, когда отплывала далеко от берега.

Полина легла на спину и, раскинув руки и ноги в стороны, словно морская звезда, вгляделась в тёмное небо, на поблёскивающие, словно бусины бисера, яркие звезды. Она нигде и никогда больше не видела таких крупных звёзд, и в таком количестве, как здесь. В Питере они почти не видны, и только здесь, в этом живописном месте, она всегда наблюдала эту потрясающую астрономическую картину.

Полина прикрыла глаза, расслабила тело, и почти не ощущала себя в воде, словно зависла в пространстве, отдавая себя во власть царившей вокруг стихии.

Внезапно она вздрогнула, услышав в воде звук весла, рассекающего воду, совсем рядом, и развернувшись, увидела тень приближающейся к ней лодки. Она судорожно ухватилась за её край руками, пытаясь разглядеть лицо, заблудившегося в это время рыбака. Через мгновение, различив знакомые черты лица, удивлённо её рассматривающие, она с облегчением выдохнула.

– Ярослав, как вы меня напугали. Доброе утро!

– Доброе, доброе. Чего в такую рань не спится?

– Захотела искупаться. Как приехала, ещё ни разу не была на море.

– Вот и приезжающие сюда, всегда думают, раз мы живём здесь, то, значит, не вылезаем с пляжей. Теперь ты сама убедилась, что на это просто не остаётся свободного времени. Может, ты уже отпустишь мою лодку, я бы хотел причалить к берегу. Или ты тонешь? Могу помочь, в таком случае.

Он протянул ей свою руку.

– Ну, вот ещё. Я отлично плаваю.

Она разжала ладони и отплыла в сторону, пропуская лодку и её седока. Ещё немного поплавав, она, наконец, вернулась к берегу.

Одонецкий сидел на большом камне у воды, и тщательно укладывал леску, на катушку удочки.

Полина вышла на берег и подошла к своим вещам. Наклонилась, чтобы взять полотенце и обратила внимание на рыбу, лежавшую у его ног, в маленьком ведре.

– Не велик улов...

Она улыбнулась.

Ярослав заглянул в ведро, словно не видел его содержимое прежде, и ответил.

– Ничего. Василий мне и за это, скажет спасибо.

– Василий, это ваш кот?

Он кивнул головой.

Полина вытащила из сумки парео и, обхватив свою талию, принялась аккуратно завязывать узел на правом боку своего тела.

Ярослав внимательно следил за её пальцами.

Она перевела на него свой взгляд.

– Что вы на меня так смотрите?

– А что, разве запрещено смотреть на людей на пляже?

– Я не люблю, когда меня так откровенно рассматривают. Тем более, когда я не одета.

Ярослав рассмеялся.

– А когда ты танцуешь полуголая на сцене, ничего что в этот момент все смотрят на тебя?

– Это совсем другое. Это искусство, и к тому же я там выступаю не раздетая, а в платьях.

– Видел я, эти ваши платья...

Он махнул рукой и, снова принялся скользить взглядом по её фигуре, осматривая с головы до ног.

– Ладно, ладно. Не смотрю больше, – сказал он, заметив её недовольный взгляд и, отвернувшись. – Было бы на что смотреть...

– Что?

Полина уронила из рук полотенце, прямо на землю.

– Что вы сказали? Было бы на что смотреть?

Она задыхалась от ярости.

– Да, у меня фигура намного лучше, чем у... – она осеклась, на полуслове, не договорив.

Ярослав повернулся и поднял на неё изучающий взгляд.

– Чем у кого? Ну, договаривай....

Полина промолчала.

– Хорошо. Я сам скажу за тебя. Ты хотела сказать, что твоя фигура лучше, чем у Инги, моей любовницы? Ты ведь прошлой ночью видела нас вместе? Наблюдала, сидя у окна. Послушай, дорогая, тебя в детстве разве не учили, что подглядывать нехорошо, а особенно, когда люди занимаются любовью.

– Ни за кем я не подглядывала. Просто ваши крики и стоны в этот момент, были слышны на всю улицу. Тут невольно заметишь и услышишь. Кстати, очень попрошу вас, в следующий раз закрывать свои окна. У меня маленький ребёнок и я не хочу, чтобы он видел подобную мерзость.

– Мерзость?

Ярослав поднялся и подошёл к ней ближе.

– Знаешь, Полина, обычно в это время маленькие дети давно спят, и им всё равно, что происходит в соседнем доме. А вот некоторые взрослые девочки...

Он коснулся пальцами её щеки.

– Очень любят подглядывать, не опасаясь, быть застигнутыми на месте преступления. Я видел тебя в окне, и не смей отрицать, что ты ничего не видела!

Он обхватил её одной рукой за плечи и прижал к себе. Пальцами приподнял её подбородок и приблизил к себе лицо, пристально вглядываясь в глаза.

– Рассказать, мне не хочешь? О своих эмоциях и телесных ощущениях...

Полина оттолкнула его и занесла руку для пощёчины.

– Пошляк!

Он перехватил её руку, крепко сжал в своей ладони и потянул на себя.

– Это я пошляк? Послушай, это ведь не я вчера, наблюдал за тобой и твоим любовником из своего окна. Это была ты!

Он провёл рукой по её волосам, почти неощутимо, лишь слегка касаясь подушечками пальцев.

– Я не хочу больше говорить на эту тему...

Она вырвалась из его рук и, отвернувшись, быстро пошла по дорожке к своему дому.

– Ну не хочешь, так не хочешь, – с улыбкой произнёс он вслух, уже для самого себя.

Ярослав собрал удочки, рыбный улов и тоже направился к своему дому.

Полина вбежала в дом и поспешно закрыла дверь на замок, словно за ней кто-то гнался. Лицо горело от стыда и унижения, которому он её сейчас подверг своими допросами. Она даже представить не могла, что он мог видеть её вчера в окне. И была готова провалиться от стыда сквозь землю в тот момент, когда он её об этом спрашивал.

Постепенно успокоившись, она разделась и, пошла в душ.

Но и там мысли об этом нахале, её не отпускали. Кожа на теле до сих пор горела там, где касались его пальцы. Она провела ладонями по своим плечам, коснулась щеки. Его тёплое дыхание на её коже, глаза, ласкающие и проникающие в душу, околдовывающие, заставляющие таять и подчиняться.

Она обхватила себя руками и опустилась на пол, пытаясь восстановить своё сбившееся дыхание.

Господи, он действовал на неё словно наваждение, когда был рядом. Это казалось абсурдом, но она понимала только одно, она влюбилась в этого неотёсанного мужика, в этого хама и мерзавца, в этого лишившего её покоя нахала и мрачного затворника...

– Мамочка, а ты уже собираешься на работу?

Алина сидела в постели, растрёпанная после сна, словно маленький воробышек.

– Да, милая, и ты поедешь со мной. Я попрошу разрешения, и ты сегодня весь день будешь со мной рядом.

– Ура!!!

Малышка подскочила в кровати и, запрыгала на ней, словно на батуте.

– Только тебе нужно собраться очень быстро. Умывайся, чисти зубы, и пойдём завтракать.

– А что у нас на завтрак?

– Я сварила молочную кашу.

– Ой, гадость! Мамочка, а нельзя пожарить яичницу с помидорами? Мне готовил её дядя Ярослав. Она была такой вкусной!

Алинка зажмурила глаза от удовольствия.

Полина строго посмотрела на дочь.

– Опять дядя Ярослав? Ты только и говоришь о нём целыми днями.

– Но он такой хороший и добрый. Вчера отругал мальчишек, которые меня обижали во дворе, и я подружилась с его котом. Мама, Василий красивый и очень умный, почти как человек, только не говорит, как мы. Представляешь, уже даже не царапает меня, когда я его поднимаю с пола и играю с ним.

– Всё это очень хорошо, только мне бы не хотелось, чтобы ты мешала дяде Ярославу, когда ходишь к нему во двор. Он занятой человек, и ты наверняка его отвлекаешь от важных дел.

– Но, я ему совсем не мешаю. Он сам так говорит...

Полина задумалась.

– Ну, хорошо, за дядю Ярослава мы всё выяснили. Теперь давай, живо одевайся и завтракать.

– Мамочка, а мне можно будет у тебя на работе, тоже стоять у станка во время вашей репетиции?

– Можно, только если никому не будешь мешать. Ну, давай, живо в ванную...

Она слегка подтолкнула дочку в спину и отправилась на кухню, жарить яичницу с помидорами, как просила Алина.

Танцевальный тренировочный зал для репетиций, оказался просторным и очень светлым. Стены, покрытые рельефной штукатуркой цвета пыльной розы, длинные ряды деревянных перил хореографического станка по обе стороны стены, покрытой многочисленными зеркалами и огромная во всю стену модульная фотокартина с изображением ночного города и танцующих на набережной Танго мужчины и женщины, страстно слившихся воедино в экспрессии танца.

Алина с любопытством осматривалась по сторонам. Она ходила среди танцоров и аккуратно касалась своими пальчиками деревянных перил станка.

– Это что за прелесть? – раздался голос Влада, на весь зал. – Твоя? – он обратился к Полине. – Слушай она твоя точная копия. От Беркутова не взяла ничего.

Полина заулыбалась и поманила к себе пальцем дочь.

Девочка подбежала к матери. Дягилева взяла её за руку и подвела к Говоркову.

– Алиночка, познакомься, это Владислав Говорков. Он здесь главный человек. Тренер всей этой группы.

Алина посмотрела на улыбающееся лицо мужчины и, грациозно выбросив ручку в сторону, слегка склонила голову и, присела в лёгком поклоне, как настоящая прилежная ученица балльных танцев.

– Очень приятно! Я Алина Беркутова.

Влад рассмеялся в голос и с нежностью коснулся рукой её лица.

– Господи, ты очаровательна! И раз уж ты знаешь, как правильно приветствовать тренера, я позволяю тебе присоединиться к нашей репетиции сегодня. Иди вон туда к окну, там, где планка пониже, и ты сможешь достать до неё руками. Будешь повторять все движения хореографии вместе с нами.

Алина с радостными криками убежала в конец зала.

Влад посмотрел на Полину.

– Откуда это всё, в её возрасте? Ты занималась с нею?

– Нет. Когда мне было это делать? К тому же моя мама сказала, что вторая танцовщица в её доме появится только через её труп. Она прочит Алине светлое будущее в отличие от меня.

– Но у неё прекрасные данные! Ты видела движение её руки? Для её возраста это очень грациозно. Она у тебя просто природный самородок.

– Влад, ничего, что я привела её сюда? Мне её просто не с кем оставить. Пытаюсь найти кого-нибудь, чтобы за ней присматривали, пока меня не будет дома, но это сложно сделать быстро.

– Не волнуйся! Мне она абсолютно не помешает. Вот только не знаю, что скажет Ивлев, если случайно её здесь увидит. Хотя знаешь, он редко приходит, когда мы работаем здесь. Предпочитает видеть нас на сцене. Ну ладно, начнём, пожалуй. Становись вместе с остальными.

Полина улыbnулась и встала к станку.

Репетиция началась.

Выполняя простые разминочные упражнения по хореографии, она ловила себя на мысли, что её тело было, словно деревянным. Месяц отсутствия полноценной тренировки, давало о себе знать. Полина работала усиленно всё занятие, внимательно слушая все замечания Влада. Она решила остаться здесь сегодня вечером, когда все уйдут на концерт и поработать ещё, чтобы добиться прежней лёгкости и ощущения абсолютного владения своим телом.

Полина закончила работать только, когда за окном начало смеркаться. Обернулась на Алину и увидела, что малышка заснула прямо в кресле. Дягилева вытерла лицо полотенцем и пошла, собирать свои вещи.

Дверь в танцевальный зал скрипнула, и она резко повернулась.

Ивлев стоял на пороге.

– Добрый вечер, Полина!

– Добрый вечер, Алексей Анатольевич!

– Что-то вы задержались сегодня. Мне охрана сказала, что здесь кто-то до сих пор работает. Решил посмотреть, кто из моих сотрудников такой старательный.

– Я уже ухожу. Просто решила поработать подольше сегодня, после длительного перерыва.

– Когда Влад планирует поставить вас в программу?

– Через три дня, когда будут готовы костюмы.

– Хорошо.

Он подошёл к ней ближе и взгляделся в её лицо. Провёл рукой по щеке, убирая за ухо тонкую прядь её волос.

– Может, поужинаете сегодня со мной?

– Извините, я не могу. Мне нужно дочку отвести домой.

– Дочку?

Она кивнула в сторону спальни Алины.

Ивлев медленно подошёл к девочке и присел на корточки, взглядываясь в её лицо.

– Красивый ребёнок. А почему же вы её держите в таких условиях?

– Влад, позволил мне привести её сюда. Я ищу няню, но сделать это быстро практически невозможно.

– Ну почему же невозможно...

Он достал телефон и набрал номер.

– Ириша, здравствуй дорогая! Как дела? Слушай, мне позарез нужна няня для ребёнка пяти, шести лет. Да нет, шутишь, не мой, конечно... Мне нужно несколько кандидатов с хорошим резюме и опытом работы. Подыщи в своей картотеке, пару претендентов. Да, завтра пусть будут у меня. Ну, пока! Спасибо дорогая!

Он отключил телефон и посмотрел на Полину.

– Завтра в одиннадцать подойдёте в мой кабинет и выберете нужную вам женщину.

– Спасибо вам большое! Мне так неловко.

Он взял её за руку.

– А мне приятно помочь вам.

– Но я...

– Прошу вас, Полина, не возражайте. Ступайте домой. Вам нужно отдохнуть.

Он коснулся губами её руки и, развернувшись, поспешно вышел из комнаты.

Утром Ярослав был на винограднике.

Присев на корточки у маленьких веточек лозы, которые он только что посадил, мужчина аккуратно провёл пальцами по тонким стеблям и улыбнулся. Он полностью восстановил деланку винограда, уничтоженного Полиной. Теперь осталось только, дожидаться, чтобы они принялись.

Снова труд и снова ожидание, бесконечное и томительное. Он думал о том, что истинная благодарность за его труд, была только тогда, когда он держал в своих ладонях большие янтарные созревшие грозди. Наивысшая радость, которую он испытывал, это, когда заканчивался сбор урожая, и многочисленные потоки машин, привозили на завод огромное количество спелого винограда.

– Ярослав Сергеевич, – обратился к нему охранник. – Ограждение тоже будем восстанавливать?

– Непременно, Володя. Систему охраны проверили?

– Да. Она работает исправно.

– Отлично. Я в офис. Заканчивайте тут без меня сами.

Он подошёл к своей машине и присел за руль. Завёл мотор, но долго не трогался с места.

На мгновение, вспомнил его встречу с Полиной здесь, в тот самый вечер, когда произошла авария. Усмехнулся, вспоминая, её дерзкие выпады, когда она обвинила его в чувстве жалкого собственничества.

Вспомнил и другое. Их вчерашнюю утреннюю перепалку на пляже. Её сверкающие гневом глаза, в тот момент, когда нелестно выразился о её фигуре. Фигура, её тело...

Снова вспомнил, как бесстыдно смотрел на неё, когда она одевалась. В тот момент, когда сидел на камне, пытался окинуть, выхватить взглядом, запечатлеть каждый изгиб её тела, каждое её движение, сводящее с ума от желания, прикоснуться к ней. Её тонкие пальцы, завязывающие парео. Он следил за этой мукой, поистине мукой для него, потому, что ему хотелось сделать обратное. Развязать, а лучше сорвать с неё всё лишнее, обнажить и подчинить себе так быстро, чтобы даже не успела опомниться. Он, словно терзал сам себя, вспоминая эту девочку. Изводил себя желанием, одним единственным желанием, оказываться чаще, как можно чаще с нею рядом.

Глава 7

Полина сидела в гримёрной комнате и заканчивала делать макияж перед зеркалом. Сегодня было её первое выступление на публике. Она никогда раньше этого не делала и очень волновалась. Сердце бешено билось в груди.

Фестивали и конкурсы – это немного иное. Там ты просто работаешь, знаешь, ради чего ты это делаешь. А здесь? Какое чувство должно двигать тобой здесь, когда ты выходишь на сцену и танцуешь просто для людей, которые пришли сюда отдохнуть?

Она внимательно смотрела на своё отражение в зеркале, пытаясь дать ответы на свои же вопросы.

Влад зашёл в комнату почти не слышно и коснулся рукой её плеча.

– Чего, задумалась?

Она вздрогнула.

– Немного волнуюсь...

– Не переживай. У тебя всё хорошо получалось на репетиции. Просто смотри на меня и делай хорошо своё дело.

– Спасибо тебе за поддержку, Влад!

– Не за что. Давай, пора на сцену.

Он поцеловал её руку и вышел из комнаты.

Полина встала со стула, поправила платье и, застегнув пряжки туфель, вышла из комнаты и направилась в сторону зала.

Она заблудилась в этих многочисленных коридорах и, оказавшись на какой-то лестничной площадке, спустилась по ступеням вниз. Уточнив своё направление у проходящего мимо охранника, она поняла, что пошла не в ту сторону.

Стремительно, почти бегом поднялась вверх по лестнице, и резко открыла дверь наружу. Сильный удар о какую-то преграду, яростный крик, и ругательство по ту сторону, заставили её замереть на месте.

Потихоньку приоткрыв дверь, она увидела перед собой Ярослава, который склонился над ящиком с вином.

– Чёрт, что за...

Он поднял на неё глаза.

– Ну конечно, было бы парадоксально, увидеть перед собой, кого-то другого.

– Добрый вечер! Извините, Ярослав... – тихо проговорила она. – Я не думала, что за дверью кто-то есть.

– А открывать двери более аккуратно, ты не пробовала?

– Я просто опаздываю. Мне нужно на сцену.

Он внимательно осмотрел её с ног до головы.

– Твоя униформа на сегодня? Красиво! Только краски на лице мне кажется, многовато. Не находишь?

– Это грим специально для выступления. Простите, Ярослав, мне нужно идти. Надеюсь, я вас не сильно ударила?

Он потёр рукой ушибленное плечо и ответил.

– Думаю, переживу. Ладно, мне тоже больше некогда с тобой разговаривать. Меня тоже ждут. Я не прогуляться, сюда пришёл.

– Извините, ещё раз, – снова проговорила она и быстрыми шагами направилась в сторону главного зала.

Он посмотрел ей вслед и, спустившись по ступенькам на первый этаж, сдал ящик вина на склад ресторана.

Одонецкий остановился в вестибюле и хотел ехать домой, но почему-то ноги сами понесли его в сторону зала. Он медленно зашёл внутрь, уже погрузившегося в темноту пространства, и присел за свободный столик. Заказав кофе и воду, устремил свой взгляд на сцену.

Полина стояла в лучах белых софитов, словно неподвижное изваяние. Музыка медленно разливалась, словно окутывая её в кокон огненного сияния. Она грациозно вскинула руку вверх, затем резко в сторону, притягивая к себе партнёра. Зажигательные ритмы Танго, стремительно захватили мужчину и женщину в яростной схватке, борьбе и вечном неистовом противостоянии. Он забирал её в свой плен, поработал, подчинял, приближал к себе, едва касаясь её губ, и тут же бросал с высоты к своим ногам, уничтожая её и превращая в пыль...

Ярослав не мог отвести взгляда от её тела, от её движения, от её лёгкого скольжения, словно она совсем не касалась пола, а только лишь постоянно находилась в руках партнёра, крепко сжимающего её в своих объятиях. Глаза, губы, точёный профиль. Она была растворена в танце, и поглощена этим действием. Ему на мгновение показалось, что она обнажила свою душу, пытаясь рассказать всем в зале, свою историю любви, страсти и желания. Это было так очевидно и абсолютно понятно, даже ему человеку, абсолютно далёкому от мира танцев и полётной фантазии. Казалось, он чувствовал каждый её вздох, видел каждый взмах её ресниц. Он читал эту историю любви и страсти в их движении. Никогда не думал, что танцы могут вызывать подобные ощущения.

Музыка стихла, и партнёры, резко замерли в руках друг друга. Громкие непрекращающиеся овации раздалась в зале, подкрепляемые восхищенными голосами.

Ярослав присоединился к остальным, поблагодарив танцоров аплодисментами и оставив деньги на столе, медленно поднялся, взглянул на неё ещё раз и поспешно вышел из зала. На выходе, в дверях, столкнулся с Ивлевым. Тот улыбнулся и протянул Ярославу руку.

– Привет! Какими судьбами тут у нас?

– Я привёз вино, которое заказывал твой сомелье.

– «Золотой источник» Каберне-Совиньон?

– Да. Один ящик.

– Отличное вино! Ты знаешь, был приятно удивлён, когда его пробовал. А когда узнал, что его делаешь ты, был просто поражён. Очень тонкая работа!

– Спасибо.

– В моём ресторане у него уже появились постоянные ценители. Кстати, они не скупятся с деньгами. Так что я думаю, закупочную стоимость тебе можно и увеличить. Как ты думаешь?

– Пока не думал об этом. Стоимость этого вина, для меня на сегодняшний день полностью оправдана.

– Слышал, у тебя налаживаются поставки твоего вина и в столицу?

– Поставляю, небольшими пробными партиями.

– Ты деловой человек. Отличный бизнес. Молодец! Я немного знаю твою историю и как ты к этому пришёл. Жаль, что не сложилось с авиацией. Ты ведь всегда мечтал об этом.

– Иногда, мечты не сбываются...

– Не знаю, у меня всегда и всё сбывается. Я всегда мечтал о собственном бизнесе, богатстве, роскоши и всё это у меня, как видишь есть.

– Да, ты как-то внезапно быстро разбогател. Я ведь помню, что после окончания университета ты был практически нищим и без работы, – сказал Ярослав.

– Мне просто повезло. Так счастливо упали карты судьбы на мой стол. Выгодное стечение обстоятельств. Послушай, а куда ты уходишь? Может, посидим, выпьем. Мы ведь с тобой нормально общались, последний раз дай бог памяти, когда я вернулся из Москвы после университета, и тебе тогда было лет тринадцать? Я помню очень хорошо наше соседство. Мои родители всегда дружили с твоими. Кстати, как наш дом? Ещё жив, или построили новый? Всё собирался как-нибудь приехать посмотреть, да всё некогда.

– Стоит. Куда он денется? Твой отец был хорошим мастером и строил на века, – ответил Одонецкий.

– Да, отец мой был с золотыми руками. Я, к сожалению, пошёл не в него. Кручусь в своей бизнес стихии. Хотя знаешь, дело приносит мне неплохую прибыль и колоссальное удовольствие от того, что я делаю. Может, всё-таки останешься, и посмотришь мою новую программу? Ты знаешь, у меня новое чудное приобретение в труппе танцоров. Девочка, мастер спорта международного класса по бальным танцам. Вчера видел её генеральную репетицию, и могу сказать, что она просто очаровательна!

Ярослав внимательно смотрел на Ивлева.

– Нет, спасибо. Я уже видел сегодня, кое-что из твоей программы, когда заходил пить кофе.

– Ну и как?

Ярослав пожал плечами.

– Красиво...

– И всё?

– Всё. Лёш, ты извини меня, но мне нужно идти. Ещё увидимся.

Он протянул мужчине руку для прощания.

– Ну, давай. Пока! Увидимся... – ответил Ивлев и крепко пожал протянутую ладонь Одонецкого.

Полина переодевалась в гримёрной комнате, когда в дверь неожиданно постучали.

– Одну минуту, пожалуйста, – громко произнесла она.

Дягилева застегнула платье, обулась и подошла к двери.

Перед ней стоял охранник с большой корзиной бордовых роз. Она была такого огромного размера, что Полина от неожиданности замерла на месте. Осторожно потеснив её в сторону, охранник занёс цветы в комнату, поставил у её ног на полу и сразу же поспешно вышел.

Ивлев появился на пороге гримёрной спустя минуту.

– Алексей Анатольевич, ну зачем вы?

– Полиночка, не возражайте! И не нарушайте сложившейся традиции. Такой успех у публики в первый же день. Я всегда делаю подобный жест для своих подопечных, которые так выкладываются на сцене. А вы были сегодня просто очаровательны, и свели с ума, кажется всех в зале, не только мужчин, но и женщин.

– Вы меня переоцениваете...

– Нисколько. Видите ли, я искусствовед и оцениваю всё красивое объективно, чисто с профессиональной точки зрения.

– Как неожиданно. Бизнесмен и вдруг искусствовед...

– Да, дорогая моя, пути судьбы неисповедимы и никогда не знаешь, где окажешься сегодня днём, или завтра вечером. Я приглашаю вас на ужин, и отказы сегодня, уже не принимаются.

– Но я...

– Я понимаю, что для вашей фигуры столь поздний ужин не приемлем. Но обещаю, будет все только лёгкое. Рыба на гриле, зелень, овощи, изысканный воздушный десерт и лёгкое вино. Кстати, именно вино мне хотелось бы, чтобы вы оценили особенно тщательно. Это моё новое приобретение для ресторана. Весьма недурственное...

– Я стараюсь, не пить спиртное.

– Ну, что вы дорогая. Несколько глотков вина для женщины никогда не повредит. Напротив, сделает её ещё более очаровательной.

Он осторожно коснулся пальцами её щеки.

Полина слегка отстранилась.

– Такое вино, я думаю, вас покорит. Его кстати делает наш местный виноградарь. Вы должны его непременно попробовать.

– Ну, хорошо. Только, пожалуйста, совсем ненадолго. Я очень устала. И моя дочь сегодня находится весь вечер у соседки, мне нужно её забрать.

– Понимаю. Обещаю, занять у вас не больше часа. Идёмте!

Он протянул ей свою руку, и они вышли из комнаты.

Вино подали на стол в больших широких бокалах с идеальной прозрачностью. Казалось, они были лишены стенок, и вино в них просто переливалось изысканной рубиновой субстанцией, в каком-то безвоздушном пространстве.

Правилам дегустации вина её научил Беркутов, когда они были три года назад в Италии. Полина аккуратно взяла бокал за ножку и вдохнула аромат напитка. Она с наслаждением прикрыла глаза. Ей показалось на мгновение, что она оказалась в поле, окружённая дурманящими запахами ягод и полевых цветов. Дягилева сделала небольшой глоток, не открывая глаз. Пленительная сладость, словно обволакивая её рот, подобно горячему поцелую, заставила её блаженно вздохнуть. Удивительно тонкий вкус, смеси умеренной сладости, нежности, приправленный нотками ежевики, спелой чёрной вишни и послевкусием лёгкой горчинки изысканного тёмного шоколада. Она сделала ещё несколько глотков, пытаясь продлить это, ни с чем несравнимое удовольствие и посмотрела вопросительно на Ивлева, который затаив дыхание следил за её действиями.

– Вам нравится? – спросил он.

– У меня нет слов... Я пила такое же вкусное вино, только когда мы были с мужем в Италии, в одной из провинций на севере страны.

– Соглашусь с вами. Это вино, действительно достойно такого сравнения.

– А кто его делает? Вы говорили это местный виноградарь?

– Я не знаю, скажет ли вам что-нибудь его имя, потому что вы только что приехали сюда. Но всё-таки запомните его фамилию. Я думаю, когда-нибудь она будет известна на всю страну, а возможно и за её пределами. Ярослав Одонецкий.

Сердце Полины бешено застучало. Она нечаянно зацепила рукой бокал и, вино яркой красной дорожкой разлилось на белую скатерть.

Она подскочила на месте.

– Простите, пожалуйста! Я не хотела.

– Пустяки. Не переживайте! Сейчас всё уберут.

Он жестом руки, пригласил официанта подойти к столу.

– Вы действительно устали. Мы сейчас быстро поужинаем, и я вас отвезу домой, – сказал Ивлев, обращаясь к ней и, поглаживая ладонью её пальцы, лежащие на столе.

– Спасибо! Я на машине, и доберусь сама.

– Полиночка, не возражайте! Вашу машину и цветы доставит мой охранник. А вы поедете со мной. Не спорьте, лучше принимайтесь за рыбу. Она просто восхитительна сегодня. Ещё вина?

– Пожалуй. Только, совсем немного, – ответила она.

Они ели молча. Ивлев что-то пытался ей рассказывать, но каждый раз озадаченно прерывал своё повествование, пытаясь поймать за столом её отсутствующий взгляд.

Полина нежно поглаживала пальцами вино в бокале и думала, думала, блуждая мыслями в лабиринте своего подсознания, где невидимой тенью скользил образ Ярослава. В человеке... за короткое знакомство, с которым она открыла столь многогранные таланты. Удивительно чуткий и отзывчивый человек, с необыкновенным изысканным вкусом и тонкими ощущениями, а не грубиян, которого она видела каждый раз перед собой, когда они общались. Он открывался для неё с другой стороны, к сожалению, только при помощи других людей. Он был необычай-

ной и одарённой личностью с огромным трудолюбием, усердием и старательностью. Человек, знающий хорошо своё дело и умеющий его делать отлично.

Она сделала ещё один глоток вина, пытаясь запомнить его потрясающий вкус и, обратилась, наконец, к Ивлеву.

– А как называется вино?

– «Золотой источник». Оно сделано из винограда сорта Каберне-Совиньон.

Он показал ей рукой на бутылку.

Дягилева взглянула внимательно на этикетку. Красивое чёрно-белое изображение виноградной лозы с полной гроздью и тонкого изящного источника воды цвета золота, которые переплетались в одно единое целое, венчали центральную часть информации об этом изысканном напитке.

– Смотрю, вы заинтересовались этим вином? Не волнуйтесь, бутылочка от меня в подарок, уже будет лежать сегодня в вашей машине, – сказал Ивлев.

– Ну что вы, я и сама могу его купить.

– О нет, дорогая, купить его здесь вы не сможете. Я имею в виду, прямо сейчас в ресторане и целую бутылку. Это надо ехать к производителю. Сюда я покупаю исключительно ограниченное количество бутылок, которое уже рассчитано на определённых гостей, которые его предпочитают пить постоянно. Бутылка, что я подарю вам из моей личной коллекции. Вино достаточно дорогое, и я как деловой человек, привык вкладывать деньги только по назначению и с особой бережливостью. Но сегодняшней ваш успех оправдан, и я думаю, это вино станет неплохим бонусом к вашему дальнейшему старанию.

– Благодарю Вас.

– Ну что ж, отпущенный любезно вами для меня час закончился, и я не смею вас больше задерживать. Пойдёмте, я отвезу вас домой. Вам действительно пора отдохнуть.

Алексей протянул ей руку.

Полина подала ему свою ладонь и пошла за ним на выход из ресторана.

Спустя полчаса машина Ивлева остановилась у дома, адрес которого она указала водителю.

Алексей удивлённо посмотрел на неё, потом в окно на улицу.

– Что-то не так? – спросила она у него, тихо.

– Нет, всё в порядке. Просто это мой родной двор. Вон тот дом, видите напротив вашего. Я там жил когда-то с родителями. Только сегодня, вспомянул его и вдруг волею случая, провозжая вас сюда, снова увидел это место.

Он вышел на улицу и открыл дверь машины. Подал Полине руку, помогая ей выйти.

Ивлев остановился с ней рядом, у ворот своего бывшего дома, пытаясь окинуть его взглядом полностью.

– Как удивительно. Ничего не изменилось. Хотя, я не был здесь, уже больше двадцати лет. Да, всё мечтал его когда-нибудь выкупить, а потом, когда построил новый дом на другом конце посёлка, необходимость в этом как-то отпала сама собой.

Он обернулся к ней.

– Простите! Я тут о своём и совсем забыл о вашей усталости...

Он проводил взглядом охранника, пригнавшего машину Полины к её воротам.

– Откройте калитку и входную дверь дома. Геннадий поможет вам внести цветы.

Полина согласно кивнула и, достав ключи из сумочки, направилась к дому. Ивлев прошёл за ней следом и остановился в центре двора, внимательно осматривая мезонин.

Когда Дягилева снова появилась на пороге, он взял её за руку и приблизил к себе.

– Я благодарен вам, Полина, за сегодняшний вечер! За ваше приятное общество и за то эстетическое удовольствие, которое вы мне доставили своей сегодняшней работой на сцене. Я покорён и очарован вами!

Он склонил голову и нежно коснулся губами её пальцев.

– Спасибо вам, Алексей Анатольевич, за то, что предоставили мне шанс и дали работу. Я вам очень благодарна! Мне пора. Спокойной ночи!

Он склонился и коснулся губами её щеки в поцелуе.

– Спокойной ночи, Полина! Приятных снов!

Ярослав стоял у окна и, придерживая рукой занавеску, с интересом наблюдал романтическую картину, разворачивающуюся перед его глазами.

Он знал и слышал все слухи, что ходили об Ивлеве в посёлке. О его неуёмной тяге к каждой новой танцовщице, появляющейся у него на работе. Им не было счёта. Старую и надоевшую любовницу, всегда с поспешностью менял на новую. Вот и теперь, он вспомнил слова Алексея, когда встретил его в ресторане, как он хвастался своим новым приобретением. Приобретение, словно вещь, которая как, теперь, оказалось, воплотилась в лице Полины Дягилевой. Огромная корзина цветов, нежное прощание у лестницы её дома, поцелуи, объятия...

Ярослав с силой задёрнул занавеску, и заметался по комнате. Остановился, тяжело дыша и, впечатал со всей силы кулаком, в крышку стола своего рабочего кабинета.

– Мало того, что дура и идиотка. Ещё и шлюха! Как все эти девки, перебивавшие в постели Ивлева, – сказал он громко, сам себе вслух. – Ненавижу!

Кот, лежавший на подоконнике, внимательно вслушивался в его слова и, повернув голову, посмотрел в окно, на стоявшую под деревом Полину. Он снова перевёл взгляд на хозяйку, присевшего за столом и опустившего голову на свои скрещенные руки.

Зажмурившись, он отвернулся снова к окну и прикрыл глаза, погружаясь в свои кошачьи мысли и размышляя о неразумности, горячности и излишней глупости особой человеческого рода...

Глава 8

Утром Полина накормила дочь завтраком, дала ей последние указы на день, перед уходом на работу, поцеловала в щёчку и оставила её с няней, которую приняла вчера на работу, по протекции Ивлева.

Она очень долго общалась с женщиной. Няня оказалась доброй и приветливой, с высшим педагогическим образованием и с очень хорошими рекомендациями от прошлых работодателей. А главное очень быстро, практически с первых минут знакомства с ребёнком, нашла подход к Алине и, получила полное одобрение девочки, на то, что женщина останется у них в доме. Полина договорилась, что няня будет работать только днём, и лишь иногда задерживаться по вечерам, когда у неё будут вечерние выступления. Всё остальное время она хотела заниматься дочкой сама. И больше постараться не пропускать, ни одного момента жизни и взросления её малышки.

Дягилева села в машину и посмотрела на порог дома.

Алина стояла рядом с няней и с улыбкой на губах, махала матери ладошкой на прощание. Полина махнула рукой в ответ, завела машину и поехала на работу со спокойным сердцем.

Переодевшись, она зашла в танцевальный зал и обвела взглядом собравшихся учеников своей группы. Типичные представители возрастной группы, которую в бальных танцах называют «гранд сеньоры» от шестидесяти пяти и старше.

– Добрый день, господа! Я ваш преподаватель танца и хореографии Полина Владимировна Дягилева.

Собравшиеся ученики приветливо заулыбались и по очереди начали представляться. Здесь были в основном семейные пары. Три из Санкт-Петербурга, две из Москвы, одна из Ярославля и одна из Соединённых штатов.

Познакомившись со всеми, Полина обратилась к ним снова.

– Я бы хотела, чтобы вы высказали свои пожелания относительно того, чему бы вы хотели научиться у меня.

– Танго. Танго. Танго... – неслось со всех сторон.

Полина с улыбкой на губах, смотрела на семейные пары, отмечая для себя их нетипичное поведение, ставшее обыденным в нашей жизни для пожилых людей. Они трогательно держали друг друга за руки, их лица освещали широкие улыбки, а глаза лукаво поблёскивали огоньком задора и жаждой жизни.

– Ну что ж, если нам позволит время пребывания, каждого из вас здесь в пансионате, то я предлагаю не только красиво научиться танцевать Танго, но и устроить в финале конкурс любителей, на звание лучшей пары. Вы согласны?

Пары шумно и одобрительно загудели.

– Ну что ж, тогда начнём, господа. Прошу разойтись по залу и стать по парам.

Она начала свой первый урок с основных понятий, этого так привлекательного для многих танца, о котором говорят только одной фразой «Любовь между мужчиной и женщиной за несколько шагов». Она пыталась объяснить, что Танго танцевать непросто, и дело не только в сложной хореографии. Танго – это постоянная импровизация, постоянные сюрпризы, которые ты преподносишь партнёру и получаешь их в ответ, от него. Это сильные всепоглощающие эмоции, наполненные чувственной нежностью, счастьем, обольщением, страстью, злостью, ненавистью и огромной любовью, которые выражаются через тело, в унисон с музыкальным ритмом и движением ног...

Полина говорила так проникновенно, словно сейчас сама танцевала, словно погрузилась в эту атмосферу, обвивая руками за плечи, крепко прижимая и одновременно отталкивая муж-

чину, конкретного мужчину, в жизни с которым они уже не одну неделю танцевали этот танец, то, приближая, то, отталкивая друг друга прочь.

Дягилева прервала свой рассказ из-за воцарившейся в зале оглушающей тишины. Её дыхание сбилось настолько сильно, словно она прошла длинную дистанцию, танцуя на паркете.

Ученики смотрели на неё затаив дыхание.

Она нарушила воцарившееся молчание, и пригласила подойти к себе одного из мужчин, показав с ним в паре основные начальные приёмы – поддержку и позицию основного шага Танго.

Полина включила музыку и присела на скамью, наблюдая за первыми стараниями своих учеников. Но в этот самый момент, она снова возвратилась мыслями к своему повествованию о танце, и сердце снова начало хаотично отбивать ритм вместе с музыкой, звучавшей в зале. Его руки с силой сковывающие её тело, его глаза, испепеляющие страстью и желанием, её яростное противостояние и падение к его ногам...

Полина вздрогнула, прервав буйство своей жаркой фантазии и, снова попыталась сосредоточиться на своих учениках. Мысленный образ Ярослава не давал ей покоя ни днём, ни ночью. Даже на работе, она продолжала думать о нём. Это стало какой-то одержимостью, манией, навязчивой идеей. Их постоянные случайные встречи, стычки и перепалки, были абсолютным отображением того, что сейчас происходило перед её глазами на паркете. Только в отличие от неё и Ярослава, у этих прекрасных людей в жизни, всё давно было определено. Они любили друг друга и наслаждались ощущением поселившегося в их жизни счастья.

Когда занятие окончилось, и все разошлись из зала, к ней подседа миловидная женщина, невысокого роста, лет шестидесяти, ухоженная и очень улыбчивая.

– Как же ты похожа на бабушку, Полина...

Дягилева повернула голову и посмотрела на неё очень внимательно.

– Вы знали мою бабушку?

– Евдокия, была моей лучшей подругой когда-то.

– Как интересно, но вы же...

– Да, я сейчас живу в Америке. Я вышла замуж десять лет назад за Пола. Мы познакомились здесь, в этом пансионате, много лет назад, когда приехали отдыхать. И сейчас, я миссис Вильямс, а здесь, когда я жила в России, была просто Ольга Берестова. Расскажи мне, как ты поживаешь? Я получала письма от твоей бабушки и знаю о твоих успехах. Почему ты сейчас здесь? Почему не выступаешь с Беркутовым? Что-то изменилось?

Полина грустно улыбнулась.

– Изменилось многое. Во-первых, не стало бабушки.

– Я знаю, дорогая, и соболезную тебе. Я была на её похоронах, а вот тебя я там не видела.

Полина опустила глаза в пол.

– Мы были с Егором в этот момент на фестивале в Мадриде. Я всё важное в своей жизни пропустила, с этими танцами.

– Успокойся, милая. Ты делала своё дело, и я думаю бабушка на тебя не в обиде. Она очень тебя любила. Ну, а что с Беркутовым?

– Нас с Беркутовым больше нет. Ни как партнёров, ни как семейной пары. Есть только я, и моя дочь.

Женщина заулыбалась.

– Ты нас познакомишь?

– Конечно. Вы приезжайте к нам в гости. Мы живём в бабушкином доме.

– Спасибо за приглашение.

– А вы долго ещё тут пробудете?

– Думаю довольно долго. У мужа здесь очень важное дело и для его урегулирования потребуется много времени. Мы месяц ещё поживём в пансионате, но уже сейчас подыскиваем подходящий для проживания дом.

– Значит, у нас ещё будет время поговорить за чашкой чая, – сказала Полина и улыбнулась.

– Непременно, дорогая. И не только за чашкой чая. Мы не уедем отсюда до тех пор, пока не выступим на конкурсе и не станцуем первоклассно с мужем Танго. Знаешь, ведь это всегда было нашей мечтой, прожить в этом танце свои чувства друг к другу.

Женщина перевела взгляд на дверь, где нерешительно на пороге топтался её муж, не решаясь прервать душевный женский разговор.

– Ладно, милая. Я пойду, а то муж устроит мне взбучку. Ещё увидимся.

Она обняла девушку и поцеловала её в щёку.

– Конечно, увидимся. До свидания!

– До свидания.

Миссис Вильямс поднялась и пошла лёгкой походкой на выход.

Полина с умилением смотрела на двух пожилых людей, нежно переплетающих в крепкий замок свои ладони. Удивительно трогательные и искренние отношения и чувства, окрыляющие, томительные и вызывающие лёгкий оттенок белой зависти от того, что в её жизни не было ничего подобного.

Полина закончила вечернее выступление в ресторане, переделась и, взяв сумочку в руку, направилась к выходу. Но в дверях столкнулась с охранником Ивлева, который перегородил ей дорогу.

– Дягилева, вас вызывает шеф.

Полина взглянула на часы. Она уже договорилась с няней, что будет дома через двадцать минут.

– Но я не могу. Мне нужно домой.

Он взглянул на неё удивлённо.

– Я сказал, идите в кабинет Алексея Анатольевича.

Мужчина отошёл в сторону, освобождая ей дорогу.

Полина вздохнула и пошла в кабинет Ивлева на второй этаж. Она постучала в двери и вошла внутрь.

Мужчина стоял у окна и внимательно смотрел на неё.

Она была так красива. Немного уставшее лицо, без макияжа, в лёгкой прозрачной шифоновой блузке небесного цвета и белой узкой юбке до колена. Волосы гладко зачёсаны и убраны в высокий хвост, открывающий её длинную тонкую шею с нежной кожей. Она была очень желанна для него сейчас.

Ивлев подошёл ближе, взял её за руку и, усадив в кресло, сам присел рядом.

– Полиночка, я хотел поговорить с вами.

– Слушаю вас, Алексей Анатольевич.

– Я очень доволен вашими выступлениями. Гости в восторге, и вы пользуетесь бешеной популярностью. Я хотел бы расширить зону ваших выступлений с Владом, и на следующей неделе добавить вечерние шоу в моих отелях в Геленджике. Как вы на это смотрите? Естественно всё это, будет оплачено дополнительно.

– Алексей Анатольевич, видите ли, я и так практически не бываю дома. Я приехала сюда в первую очередь, чтобы побыть вдвоём с дочкой и лишь слегка подзаработать. Я бы не хотела, чтобы танцы снова захватили всю мою жизнь и не оставили в ней места для моей малышки.

– Понимаю. Ну что ж, дело ваше. Хотя, подумайте хорошо на досуге. Деньги будут хорошие, очень хорошие...

– Я подумаю. Я могу идти?

– Вы торопитесь?

– Да, меня ждёт няня. Мы договорились, что я буду через двадцать минут и отпущу её домой.

– Ещё минуточку, попрошу вас, задержаться...

Он взял её руку и прикоснулся к ней губами.

– Я знаю, что у вас послезавтра день рождения.

Она посмотрела на него удивлённо.

– Да, это, правда.

– Давайте, отпразднуем его вместе. Я приготовил для вас сюрприз. Как вы смотрите на то, чтобы отпраздновать его в открытом море на белоснежной яхте? Возьмёте с собой свою дочь. Изысканная еда, прекрасное вино, живая музыка. Вы любите классическую музыку?

– Очень люблю, но я не могу поехать.

– Почему? Вы же свободны в этот день. У вас нет занятий в школе танца, и я отменил заранее ваше вечернее выступление в ресторане.

– Дело в том, что я уже собралась отметить день рождения в своём доме с друзьями. Они все приглашены, и я уже не могу ничего отменить...

– У вас здесь уже появились друзья?

– Да, ребята из труппы. Мы очень подружились.

Ивлев несколько минут смотрел на неё, молча, затем резко поднялся и пересел за свой стол.

– Ну что ж, Полина, желаю хорошо отпраздновать. Я вас больше не задерживаю. До свидания!

Она поднялась и, попрощавшись, развернулась и пошла на выход.

Ивлев барабанил пальцами по столу, затем поднялся и нервно заходил по комнате.

– Девчонка, словно крепость, без приступа не возьмёшь, – подумал он, про себя.

Ивлев надеялся, что цветы, которые он ей присылал каждый вечер, ежедневные гоночары, которые он платил, его появление на всех её выступлениях, когда встречал у сцены и в гримёрной комнате должны были дать ей понять, что он оказывает ей знаки внимания, как мужчина. Конечно, цветы она каждый раз отправляла обратно, но он надеялся, что она понимает его отдельное к ней расположение.

Возможно, у неё здесь уже появился кто-то. Интересно кто? Кто-нибудь из танцоров? Совместное празднование дня рождения. Да, скорее всего так и есть. Влад? Но он женат. Хотя, разве это может стать помехой для того, чтобы спать с ней. Сотру в порошок любого из них, если узнаю! Гнусные черви, жрущие с моей ладони! Уничтожу всех! Неблагодарные твари!

Гневные мысли разъедали его голову. Он резко поднялся и, взяв телефон в руку, набрал номер.

– Гена, я хочу знать, с кем она проводит свободное время. Все двадцать четыре часа. Да, следить всю неделю, не спуская глаз.

Он бросил трубку на стол и снова подошёл к окну.

Ты будешь моей, Полина Владимировна Дягилева. Будешь моей любовницей ровно столько, сколько я захочу. А хотеть я буду долго и очень много. Я собою с тебя твой ореол невинности! Иначе это буду не я!

Ярослав проснулся от звуков громкой музыки, раздающейся с соседнего участка. Он взял с тумбочки свои наручные часы и посмотрел на циферблат.

– Час ночи. Чёрт, они там что, с ума сошли что ли? – проворчал он вслух.

Завтра утром у него была назначена важная деловая встреча с клиентами на заводе, и он хотел, как следует выспаться.

Он медленно поднялся с постели, надел джинсы, футболку и подошёл к открытому окну. На участке Полины шло веселье. Громкие звуки музыки в стиле Латино, танцующие пары в откровенных телесных слияниях, совсем далёких от тех движений, что они делали на сцене.

Одонецкий знал их всех. Все были местными и работали у Ивлева в пансионате. Он искал глазами саму хозяйку. Она стояла в откровенно коротком красном платье рядом с Владом Говорковым. Держала в руке бокал с вином и заливисто смеялась. Мужчина обнял её за талию и повёл в круг танцующих друзей.

Ярослав спустился в кухню и, выпив воды, присел за барную стойку, терпеливо ожидая окончания вечеринки. Но она не закончилась и через час.

Он стукнул кулаком по столу, резко поднялся и пошёл к соседнему дому.

Калитка была приоткрыта. Он зашёл внутрь, встал в центре двора и несколько раз громко хлопнул в ладоши.

– Браво, господа танцоры! – обратился он к ним. – Но не пора ли, прекратить?

Все остановились и удивлённо на него посмотрели.

Полина отошла от Влада и подошла к Одонецкому.

– А в чём собственно дело? У меня вообще-то сегодня день рождения.

– Поздравляю... – сухо ответил Ярослав.

Влад подошёл к нему и протянул руку.

– Привет, Ярослав!

Одонецкий протянул свою ладонь и, с укоризной во взгляде посмотрел на мужчину.

– Знаешь, Влад меньше всего ожидал увидеть здесь тебя. Ты вроде бы серьёзный человек по жизни...

– Но, Ярослав... я...

– А чем, собственно говоря, вам не нравится наша вечеринка? – спросила Полина.

– Она мне нравится. Я в восторге. Просто, ты давно смотрела на часы? Два часа ночи.

– По-моему, мы никому не мешали. Это мой двор. Соседей слева всё равно нет.

– А я для тебя не сосед, и мне не нужно отдыхать?

– Простите, но вы иногда по ночам, мне тоже мешаете спать.

Ярослав громко рассмеялся.

– Ах вот в чём дело. Решила сделать всё это, мне назло?

Он обвёл рукой, собравшихся молодых людей.

– Так мне плевать, дорогая! Можешь, привезти сюда, хоть всех мужиков посёлка. Я просто требую тишины в то время, которое установлено законом. Подумала бы о своей дочери, ребёнку нужно спать в тишине.

– Прекратите, меня нравочать. Моя дочь давно спит.

– Бедный ребёнок, спать в таком шуме. В общем, так, музыку отключайте и по домам.

Надеюсь, повторять дважды мне не придётся

Он развернулся и пошёл к своему дому.

Влад выключил музыку и подошёл к разъярённой Полине.

– Поля, не надо, не связывайся. Он никогда не шутит. Нам и правда, давно пора. Мы загулялись. На улице действительно поздняя ночь.

Полина метала искры молнии в спину Ярослава. Ей хотелось его испепелить взглядом, если бы у неё были такие способности.

– Поля, мы поедem,

Влад коснулся её плеча.

Она подняла на него глаза.

– Извини, что так получилось...

– Ничего. Мы сами виноваты. Пока! С днём рождения, ещё раз!

– Спасибо... – тихо ответила Полина.

Ребята сели в такси и уехали, а она всё ещё стояла в центре двора, думая об очередной перепалке с Однецом.

Ярослав с улыбкой наблюдал за ней из своего окна.

Грустная с опущенными плечами, в гордом одиночестве она стояла, обняв себя руками и опустив глаза в землю. Возможно, плакала, а возможно всё ещё злилась на него и, желала ему только одного, умереть уже утром в мучительных судорогах, от тяжёлой болезни.

Он усмехнулся своим мыслям и направился в свою спальню.

Глава 9

Утром Полина встала рано, выпила кофе на кухне и ждала у приоткрытого окна, когда Ярослав уедет на работу.

Его машина покинула ворота в шесть утра.

Дягилева открыла заднюю дверь дома, и выскользнула невидимой тенью в сад. Она подошла к калитке в заборе, о которой знала ещё с детства. Маленькая деревянная дверца, почти у самой земли, соединяющая участки бабушки и Одонецких. Отодвинув ржавый засов и пригнувшись, Полина быстро перебралась на территорию его двора.

Знала точно, собаки у него нет, и ей ничего не угрожает. Задавала сама себе вопрос, зачем она сюда пришла? И понимала только одно, любопытство было сильнее её угрызений совести. Она хотела оказаться в его берлоге, и увидеть жизнь Ярослава изнутри.

Дягилева обошла двор и остановилась под навесом. Небольшое пространство напоминало маленькую мастерскую. Деревянные заготовки, ножи, стамески, пилы, лобзик резец для вырезания по дереву и... несколько готовых работ, венчавших собой красивые фрески деревянного зодчества. Красивые узоры, животные и сцены из какой-то русской сказки.

Полина аккуратно провела пальцами, поглаживая гладкие деревянные узоры.

– Неужели это всё, он делает сам? – подумала она про себя.

Полина подошла к дому.

Небольшой, старый кирпичный двухэтажный дом с многочисленными окнами. Уютный тенистый дворик с деревянной беседкой в центре, со всех сторон окружённой свисающими с каркасов листьями и слегка поспевающими гроздьями винограда. Она сорвала несколько ягод и попробовала. Они были кисло-сладкие, слегка недозревшие.

Полина обошла дом вокруг и подошла к задней двери. К её удивлению она была не заперта. Женщина вошла внутрь и осмотрелась. Небольшое пустующее помещение и лестница, ведущая наверх.

Она быстро поднялась по ступенькам и подошла к первой двери. Повернула ручку и поняла, что это его спальня. Практически пустующая комната, со старой большой кроватью в центре, тумбочками в изголовье и двумя стульями у стены. На книжной полке всего одна единственная фотография.

Дягилева подошла ближе и внимательно всмотрелась в изображение. Снимок был чёрно-белый, запечатлевший двух маленьких мальчиков и их родителей. Семья Одонецких. Полина рассматривала снимок, пытаясь понять, который из них Ярослав. Он был слева, чуть постарше второго мальчишки. Такой смешной, и почти такого же возраста, как её Алинка сейчас.

Полина открыла шкаф и заглянула внутрь.

Аккуратно развешенные, чистые выглаженные рубашки, различных расцветок, несколько пар джинсов, простые классические брюки и в самом дальнем углу длинной перекладки, под прозрачным чехлом, висел лёгкий китель, а на полке лежала фуражка.

Она сняла его с вешалки и, расстегнув молнию чехла, провела пальцами по добротной шерстяной ткани двубортного костюма чёрного цвета на шёлковой подкладке. Прикоснулась и погладила подушечками пальцев, нашитых на рукавах шёлковыми нитями галунов золотистого цвета в виде трёх полосок.

– Странно, откуда у него эта форма? – подумала она про себя.

Она стояла, задумчиво осматривая китель, затем поспешно убрала его на место и, закрыв шкаф, вышла в коридор.

Ещё несколько комнат, давний ремонт, минимум мебели, никаких картин и фотографий на стене. В ванной комнате также царил абсолютная чистота и пустота, лишь одиноко стоявшие бритвенные принадлежности в зеркальном шкафчике и мужской шампунь. Что она пыта-

лась найти в его квартире, она сама до конца не понимала. Найти что-то, чтобы могло рассказать о нём самом и приоткрыть завесу его таинственного образа затворника, или возможно искала наличие женских вещей. Она не понимала, просто увлечённо обходила комнату за комнатой, касаясь пальцами его вещей, словно прикасаясь к нему самому.

Последнее, куда она зашла, была кухня. Пустые шкафы, лишённые посуды, всего несколько тарелок и кружек. Минимум бытовой техники и продуктовых запасов. Коврик и миска для кота на полу у кухонного шкафа мойки.

Она коснулась пальцами его большой белой кружки с недопитым кофе, которая стояла на барной стойке и задумалась.

– А ты знаешь, как это называется?

Раздался за её спиной громкий голос, от которого она подскочила на месте и, резко обернулась.

Ярослав стоял в проёме, прислонившись к дверному косяку.

Лицо Полины запыхало красной краской стыда, страха и полной рассеянности.

– Незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нём лица. Статья Уголовного Кодекса, между прочим, – продолжал он.

– Я... простите, я думала вы...

– Думала, я уехал?

Он медленно приближался к ней.

– Я действительно уехал, только вспомнил, что забыл документы для переговоров.

Он показал рукой на папку зелёного цвета, которая лежала на стуле.

Полина отошла к окну, пытаясь не смотреть в его глаза.

– Ну, так что, вызовем полицию? Или разберёмся сами?

Он подошёл к ней вплотную, прижимая её к подоконнику.

– Что ты искала, в моём доме?

Он медленно поднял руку и убрал с её лица прядь волос.

– Простите меня, пожалуйста, я просто...

Сердце Полины бешено забилося в груди, перед глазами всё поплыло. Такого стыда и ужаса, она не испытывала, никогда в своей жизни.

Ярослав не отрывал от неё своего взгляда.

– Так что же ты искала? Или... Ты искала меня?

– Простите, я пойду...

Полина упёрлась в его грудь руками, пытаясь заставить его сдвинуться с места и пропустить её.

Одонецкий внезапно обхватил её рукой за талию, и легко подняв в воздухе, резко усадил на столешницу, вклиниваясь между её бёдрами. Он стиснул её запястья своими руками, крепко впечатывая в поверхность стола.

– Я сам отвечу на свой же вопрос, который задал тебе. Хочешь, послушать?

Он обхватил левой рукой её волосы и, намотав их на кулак, резко запрокинул её голову, медленно приближаясь к её лицу. Внимательно смотрел в её испуганные глаза, обводил взглядом её подрагивающие губы, почти вплотную склонившись к её коже и окутывая теплотой своего дыхания, прошептал:

– Тебе не даёт покоя моя ночь с Ингой. Хочешь сама почувствовать всё то, что ощущала она в моих руках? Прямо сейчас...

Он коснулся своей рукой её бедра и стал медленно поднимать край её платья.

– Пусти, меня! – прошипела Полина, перехватывая его руку. – Пусти сволочь, слышишь....

Ярослав остановился, словно подчиняясь.

Они прожигали друг друга взглядом, стараясь уничтожить, причинить вред. Желание, ненависть, отчаяние, злость были разлиты в воздухе над ними вулканической лавой, которая периодически остывая, посыпала их обоих сверху тёплым пеплом.

Он усмехнулся и, рванув её за волосы, уложил на столешницу, накрывая своим телом и страстно целуя в шею.

Полина в отчаянии вцепилась ему в волосы.

– Пусти, пусти меня сволочь! Я ненавижу тебя! Грубая скотина! Животное!

Он резко отпустил её и отошёл немного в сторону, наблюдая, как она стремительно поднимается и спрыгивает со стола, поправляя одежду.

– Вот и не пытайся больше разрушать этот мой образ, своей ангельской внешностью и добродетелью. Да, я грубая скотина, замкнутая и одинокая и тебе нечего делать в моём доме и в моей жизни. Если нужна нежность и чувства, иди к Ивлеву, он по этому делу большой мастер.

Полина вытерла выступившие на глазах слёзы и посмотрела на него вопросительно.

– Причём здесь, Ивлев? Не понимаю...

– Ну, ты же стала его фавориткой, насколько я понимаю. Вот и иди к нему. Он даст тебе всё, что ты хочешь. И нежность, и страсть и любовь, и деньги...

Полина, молча на него, посмотрела, медленно развернулась и пошла на выход.

Резко остановилась на пороге и, обернувшись, произнесла, словно в пустоту:

– Ты знаешь, я недавно пробовала твоё вино «Золотой источник». И сегодня здесь пообщавшись с тобой, мне кажется, что это вино делал не ты. Потому что человек грубый и жестокий, не способный любить жизнь и людей, никогда бы не смог создать это удивительное вино. Наполненное теплом и солнечным светом, запахом моря, леса, ягодами, цветами, и чувствами, которые захватывают тебя сразу же, как только касаешься его губами. Когда оно оказывается во рту, обволакивая и искушая, опьяняя и подчиняя себе. У тебя работает хороший винодел, поздравляю! Твоё вино покорило меня, в отличие от тебя...

Она ещё раз посмотрела в его глаза и поспешно вышла из комнаты.

Ярослав стоял, тяжело дыша над столешницей, на которой все ещё видел её перед собой. Слова Полины словно парализовали его тело и его душу. Он подошёл к окну, посмотрел на её удаляющуюся фигуру и, закрыв глаза, с тяжёлым вздохом, прислонился пылающей головой к холодной стене.

В воскресенье утром, Полина припарковала машину на стоянке у территории аквапарка «Золотая бухта» в Геленджике. Давно обещала Алине, свозить её сюда, и вот выпавший выходной, она полностью решила посвятить дочке. Аквапарк раскинулся на огромной территории в несколько гектаров. И считался одним из самых масштабных аквапарков открытого типа в России. Детские и взрослые аттракционы с захватывающими дух экстремальными спусками и крутыми горками, уникальные бассейны, в том числе и с искусственной волной. Собственный Дендрарий с коллекцией более ста видов растений из разных уголков мира, красочные клумбы и многочисленные цветущие растения. По периметру парк окружён вековыми соснами, защищающими это место от продувающих ветров. Кроме того, на его территории размещались многочисленные рестораны, пиццерии и летние кафе. Полноценный отдых для всей семьи, на который не хватит и целого дня, чтобы осмотреть и обойти всю эту территорию.

Алина держала Полину за руку и подпрыгивала на месте, от предвкушения приятного дня, который она проведёт вместе с мамой. Она с интересом осматривалась по сторонам на местные достопримечательности, что видела перед собой, пытаясь ничего не упустить из виду.

– Мама, а мы пробудем здесь весь день?

Дягилева погладила дочь по щеке.

- Весь день, если только не устанешь.
- Я не устану! А кушать, мы тоже будем здесь?
- Да, доченька. Кушать будем тоже здесь.
- Ура!

Алина запрыгала как мячик на месте, громко хлопая в ладоши.

– Мамочка, я тебя так люблю!

Полина присела на колени перед дочкой.

– Я тоже тебя люблю, мой котёнок! – и поцеловала её в щёчку. – Ну что, пошли осваивать эти красоты?

Она махнула рукой в сторону ярких, перекрученных по спирали горок.

Малышка ухватила её за руку и потянула за собой на территорию парка.

Алина стояла по колено в воде детского бассейна, упершись руками в бока. Она следила глазами, за набегающей на берег небольшой волной, и с криками убегала из воды при её приближении. Заливисто смеялась и опять с любопытством возвращалась назад спустя какое-то время. Она плескалась в воде, словно лягушонок под присмотром Полины, и вытащить её из воды хоть на непродолжительное время, женщине стоило большого труда.

Они уже вместе скатились с двух невысоких горок. Алинка во время подъёма наверх вела себя тихо, словно мышка, но во время спуска звонко смеялась, визжала от восторга, чем вызывала у Полины невольную улыбку. Они быстро скользили по мокрой дорожке и мягко погружались в бассейн с головой. Женщина подхватывала дочку, которая словно маленький щенок у неё на руках отряхивалась и, фыркая, отплёвывала воду, продолжая при этом хохотать, обнимая маму за шею.

Они обедали в тихом тенистом кафе. Полина заказала морскую рыбу на гриле для себя и куриное филе на пару для Алины, ассорти из овощей, холодный фруктовый чай и по кусочку воздушного Чизкейка.

После обеда она уложила Алину поспать в машине на пару часов. Сама откинула голову на подголовник кресла и прикрыла глаза. Но уже через полтора часа резко распахнула их, от настойчиво теребившей её детской руки.

Она обернулась.

– Мамочка, я уже выспалась. Пойдём, путешествовать дальше?

Полина вздохнула и спросила:

– Точно, выспалась?

Алина кивнула головой.

– Ну что ж, пойдём. Одевайся.

Они снова были у детского бассейна.

Полина, расположившись на шезлонге, читала книгу и периодически поглядывала на дочь. На мгновение прикрыла глаза и тут же громко вскрикнула, от холодных капель, упавших на прогретую солнцем кожу и прикосновения холодной ладошки дочери, теребившей её за плечо.

– Что случилось? – обратилась она к Алине.

– Мама смотри...

Она показала указательным пальчиком, куда-то в сторону.

– Там дядя Ярослав. Он с какими-то мальчиками в бассейне.

Полина посмотрела в сторону, куда показала дочка.

Ярослав стоял по колено в воде. Он был одет лишь в чёрные спортивные шорты. Дягилева невольно скользнула взглядом по его телу. Загорелое, крепкое, хорошо сложенное, с истинно мужскими очертаниями, без особой рельефности, но от этого не менее привлекательное. Упругие мышцы живота, крепкие руки и сильные ноги.

Он смеялся и подбрасывал в воздух маленького мальчика лет трёх. Малыш взлетал очень высоко, с испугом осматривая с высоты прохожих внизу, но уже через мгновение заливался громким смехом, когда опускался в распахнутые сильные мужские руки. С горки съехали ещё два мальчика, и Одонецкий стремительно направился к ним, помогая подняться из воды.

Алинка сорвалась с места и стремительно направилась к ним.

– Дядя Ярослав!

– Алина, подожди!

Дягилева попыталась её остановить, но дочка уже добежала до Ярослава, по пути несколько раз шлёпнувшись в воду. Откуда в последний раз своего падения, была извлечена его руками.

Он присел возле неё, вытирая ладонью её личико от воды.

Алина обняла его за шею, поцеловала в щёку и, обернувшись назад, жестом, показала ему пальчиком в сторону матери.

Они медленно все впятером приближались к Дягилевой. Полина присела, опустив ноги на пол.

– Добрый день!

Ярослав поздоровался первым. Мальчики вслед за ним поздоровались с ней тоже.

– Добрый день!

Полина улыбнулась.

– Вы тоже, здесь отдыхаете?

– Да, решил себе устроить выходной и парней взять с собой.

– Ваши дети?

Она кивнула в сторону мальчиков.

– Это мои племянники. Андрей.

Он показал рукой на самого старшего.

– Средний Иван и младший Лука.

Он приподнял руки, демонстрируя насуспенного мальчишку, который крепко обнимал дядю за шею.

– Они на вас похожи. Особенно Андрей, – тихо произнесла Полина.

– Ну, думаю, так как я их родной дядя – это вполне закономерно. Мы кстати с ним ещё и лучшие друзья.

Он подмигнул Андрею, и мальчишка улыбнулся.

– Сколько тебе лет?

Полина обратилась к парню.

– Десять.

– Какие планы на будущее? Уже думал?

– Я буду лётчиком, как мой дядя. Уже сейчас серьёзно готовлюсь к этому. Занимаюсь спортом, учу иностранные языки.

– Разве ты был лётчиком? – обратилась Полина к Ярославу.

– Да. Когда-то давно летал на пассажирских лайнерах.

– Да? Как интересно, никогда бы не подумала. А почему ушёл?

– Так сложились обстоятельства.

– Mamочка, ну ты же обещала никаких серьёзных разговоров.

Алинка подошла к ней и обняла её за шею.

– Дядя Ярослав, а ты можешь спуститься со мной вон с той горки? – обратилась она к мужчине, показывая пальчиком, куда-то вдаль. – Мама не захотела со мной там покататься. Она, наверное, боится. Там высоко.

– Ничего я не боюсь. Просто, ты слишком мала для такой высоты, – возразила на слова дочери Полина.

– Ну, пойдём, прокатимся. Если конечно тебе позволят по возрасту. Пошли, узнаем. Полина, ты присмотришь за парнями? – обратился Ярослав к ней.

– Конечно.

Она взяла Луку из его рук и посадила на колени, прижимая малыша к себе.

Ярослав взял Алину за руку, и она вприпрыжку с ним рядом, направилась к горке. Малышка махала руками Полине, когда они уже стояли на вершине спуска. Полина почему-то была абсолютно спокойна внутри. Несмотря на внушительную высоту сооружения, она была уверена, что если рядом Ярослав с дочкой всё будет хорошо. Она махнула им рукой и стала внимательно следить за ними. Они стали быстро спускаться. Дягилева отчётливо слышала рассекающий воздух, счастливый Алинкин смех и её восторженные крики. Они плавно съехали в воду и, уже через мгновение Ярослав держал малышку на руках, которая болтала ножками и что-то оживлённо ему рассказывала.

Полина усадила Луку на своё полотенце и, поднявшись, повязала на талии белое полупрозрачное парео в цвет купальника и, пошла к ним навстречу. Она приняла из рук Ярослава Алину, уже стучавшую зубами от холода и плотно закутав её в большое махровое полотенце, усадила рядом с Лукой.

– Ну, всё моя лягушка, больше в воду ни ногой сегодня. Иначе опять простудишься и заболеешь.

Алина согласно кивнула головой, плотнее закутываясь в полотенце.

– Дядя Ярослав, а теперь с мамой... – проговорила Алина, обращаясь к мужчине.

Одонецкий и Дягилева одновременно повернулись и посмотрели на девочку, а потом друг на друга.

– Что с мамой? – обратился к ней Ярослав.

– Прокатитесь, вон с той огромной длинной горки красного цвета, – закончила свою просьбу Алина.

Ярослав перевёл взгляд на Полину и протянул ей свою руку.

– Нет. Нет. Я не хочу! Там слишком высоко. Я боюсь высоты.

Она пятилась от него назад.

– Ну, мамочка, всего разочек. Знаешь, как там интересно, и совсем не страшно. Ну, давай прокатись, – продолжала её уговаривать дочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.